

Автобиография святого Игнатия

Игнатий Лойола

The Autobiography of St. Ignatius

Saint of Loyola Ignatius and J. F. X. O'Conor

Электронная книга проекта Гутенберга Автобиография святого Игнатия

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Автобиография святого Игнатий

Автор: Святой Игнатий Лойола

Редактор: Дж. Ф. Х. О'Конор

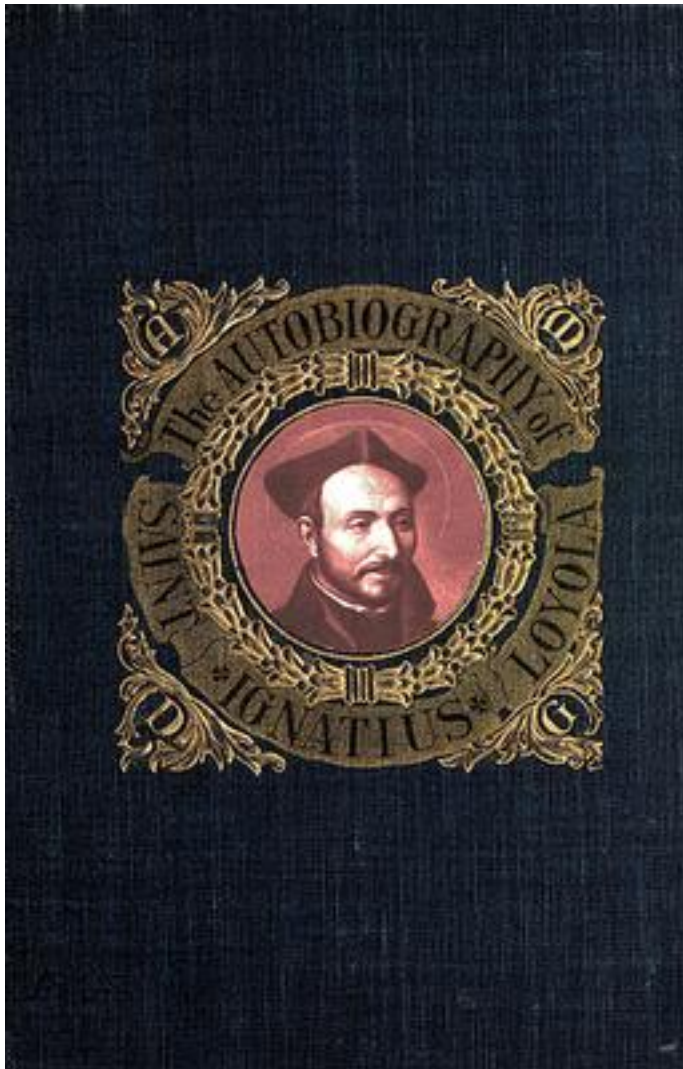
Дата выхода: 6 февраля 2008 г. [Электронная книга № 24534]

Последнее обновление: 3 января 2021 г.

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено Ричардом Дж. Шиффером и командой онлайн-корректоров по адресу <https://www.pgdp.net> (Этот файл создан на основе изображений, щедро предоставленных интернет-архивом / Канадскими библиотеками.)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "АВТОБИОГРАФИЯ св. ИГНАТИЯ" ***

АВТОБИОГРАФИЯ СВЯТОГО ИГНАТИЯ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ Дж. Ф. Х. О'Конора, С.Дж.

Нью-Йорк, Цинциннати, Чикаго

БРАТЬЯ БЕНЗИГЕР

Печатники Святого Апостольского престола

1900

Одобрение.

✠МАЙКЛ АВГУСТИН,
архиепископ Нью-Йорка.

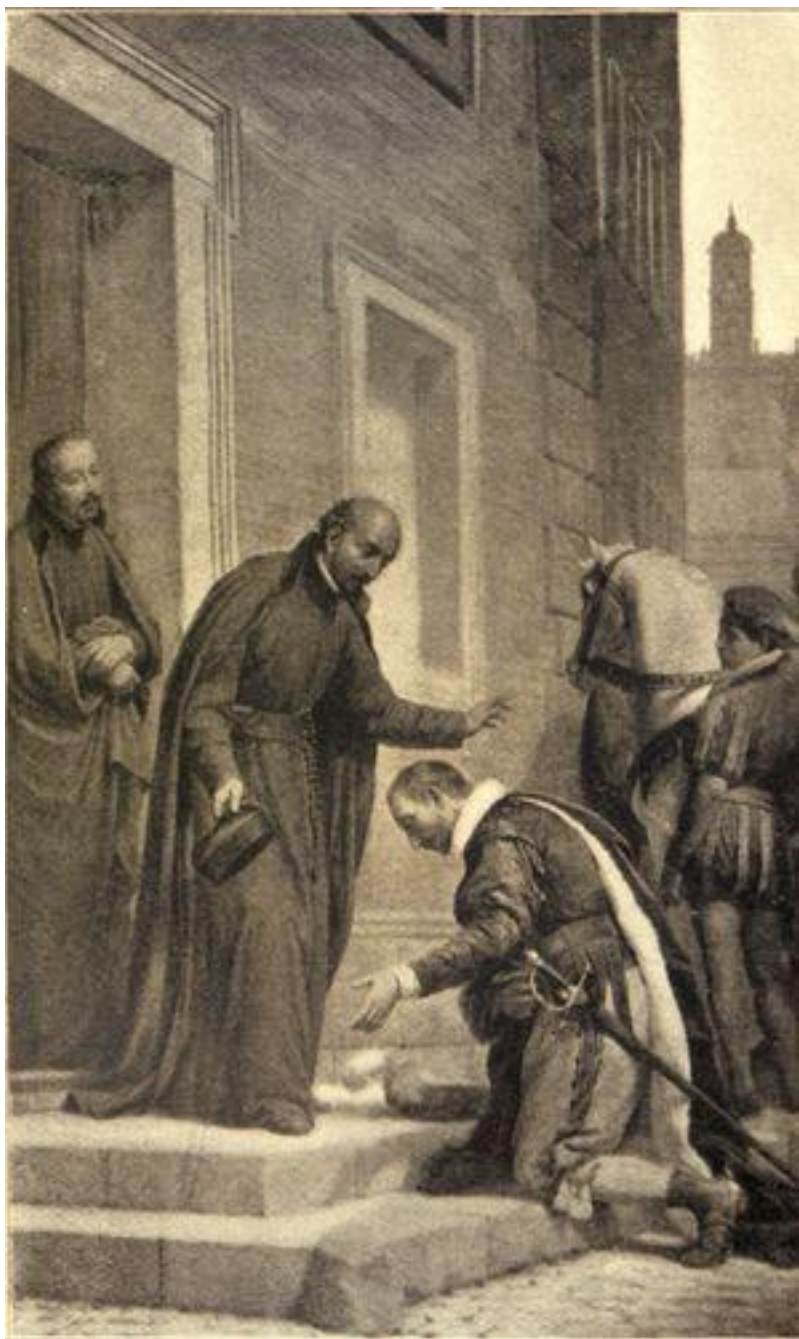
Nihil obstat.

Эдвард И. Пурбрик, С.Дж.,
Провинциал провинциальный
Мэрилендский неозборацис.

Джейкобус Дж. Кейси, С.Дж.,
заместитель цензора.

Нью-Йорк, 14 декабря 1899г.

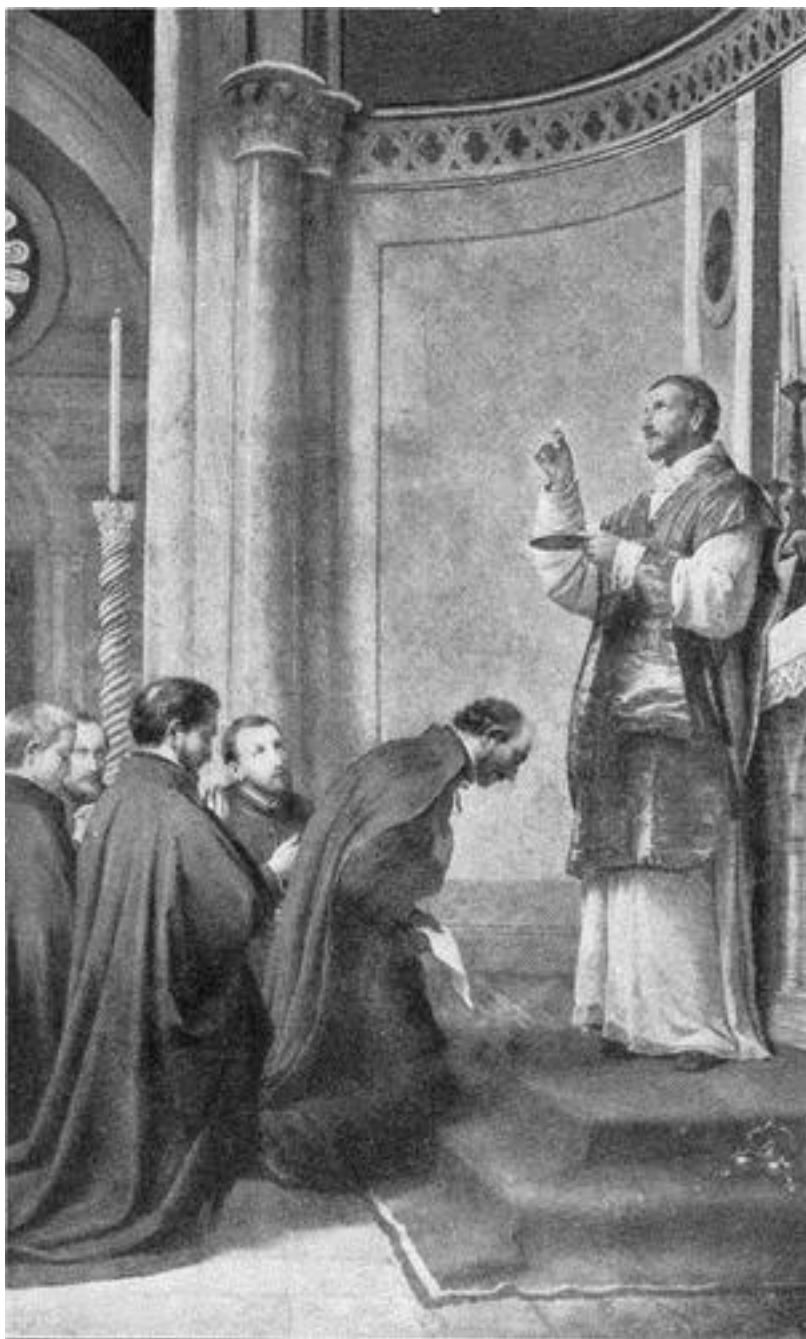
Авторское право, 1900 год, братья Бензигер.

Св. Игнатий принимает святого Франциска Борджиа.

Св. Игнатий Лойола.

Первые обеты святого Игнатия на Монмартре Игнатий и его спутники. Отец Фабер отслужил мессу.

Св. Игнатий беседует со святым Франциском Ксаверием в Парижском университете.

Св. Игнатий у Святого Жертвоприношения. Картина Рубенса.

Предисловие редактора

Этот рассказ о жизни святого Игнатия, продиктованный им самим, болландисты считают наиболее ценным свидетельством о великом основателе Общества Иисуса. Редакторы *Stimmen Aus Maria Laach*, немецкого журнала *the review*, а также английского журнала *The Month* говорят нам, что это больше, чем какая-либо другая работа, дает представление о духовной жизни св.

Игнатий. Немногие произведения в аскетической литературе, за исключением трудов святой Терезы и св. Августин, передай такое знание о душе.

Чтобы полностью понять Духовные упражнения, мы должны знать кое-что о человеке, который их написал. В этом жизнеописании св. Игнатий, рассказанный его собственными словами, позволяет нам ближе познакомиться с автором Упражнений. Мы различаем естественное расположение святого, которое было основой его духовного характера. Мы узнаем о его обращении, его испытаниях, препятствиях на его пути, героизме, с которым он выполнил свою великую миссию.

Эта автобиография святого Игнатия является основой всех его великих жизнеописаний, которые были написаны.

Бартоли черпает из этого, Дженелли развивает это, недавние великолепные работы отца Клера, С.Дж. и Стюарта Роуза являются продолжением этой простой истории из жизни св. Игнатий.

Святой в своем повествовании всегда обращается к себе в третьем лице, и этот способ речи здесь сохранен. Многие люди, у которых нет ни времени, ни, возможно, склонности читать более объемные произведения, прочтут, мы надеемся, с удовольствием и пользой эту автобиографию.

Игнатий, лежа раненый в доме своего брата, читал жития святых, чтобы скоротать время. Тронутый благодатью, он воскликнул: "То, что сделали святой Франциск и святой Доминик, по милости Божьей сделаю и я". Пусть эта маленькая книга подобным же образом вдохновит своих читателей на желание подражать святому Франциску. Игнатий.

РЕДАКТОР.

Пасха, 1900.
Колледж Святого Франциска Ксаверия,
НЬЮ-ЙОРК.

Предисловие отца Луиса Гонсалеса, С.Дж., к "Деяниям св. Игнатий", полученное из уст Святого и переведенное на латынь отцом Ганнибалом Кодретто, С.Дж.

Предисловие автора

Иисус, Мария. В 1553 году, однажды утром в пятницу, 4 августа, накануне праздника Снежной Богородицы, когда святой Игнатий был в саду, я начал рассказывать ему о своей душе и, среди прочего, рассказал ему о том, как меня искушала суетная слава. Духовный совет, который он дал мне, был таков: "Все, что ты делаешь, обращай к Богу; стремись предложить Ему все хорошее, что ты находишь в себе, признавая, что это исходит от Бога, и благодари Его за это". Совет, данный мне по этому поводу, был для меня таким утешительным, что я не смог удержаться

от слез. Затем святой Игнатий рассказал мне, что в течение двух лет он боролся с напрасной славой; настолько, что, когда он собирался отправиться в Иерусалим в Барселоне, он не осмелился никому сказать, куда он направляется. Более того, он сказал мне, что с тех пор его душа испытала великий покой в отношении этого вопроса.

Часом или двумя позже мы отправились обедать, и, пока мы с мастером Поланкусом ужинали с ним, святой Игнатий сказал, что мастер Наталис и другие члены Общества часто просили его рассказать о своей жизни, но он еще ни разу не решался это сделать. Однако в этот раз, после того, как я поговорил с ним, он размышлял об этом в одиночестве. Он был благосклонно настроен к этому. По тому, как он говорил, было очевидно, что Бог просветил его. Он решил проявить основные моменты своей внутренней жизни вплоть до настоящего времени и пришел к выводу, что я был тем, кому он мог бы сообщить об этих вещах.

В то время святой Игнатий был очень слаб здоровьем. Он не обещал себе одного дня жизни, но, напротив, если кто-нибудь говорил: "Я сделаю это в течение двух недель", святой Игнатий обычно отвечал: "Как же так? Как ты думаешь, ты проживешь так долго?" Однако в этот раз он сказал, что надеется прожить три или четыре месяца, чтобы закончить повествование. На следующий день, когда я спросил его, когда он хотел бы начать, он ответил, что я должен напоминать ему об этом каждый день, пока у него не появится для этого возможность. Поскольку он не мог выкроить время, отчасти из-за своих многочисленных занятий, он попросил меня напоминать ему об этом каждое воскресенье. В сентябре следующего года он позвонил мне и начал ясно и отчетливо рассказывать всю свою жизнь со всеми сопутствующими обстоятельствами. Позже, в том же месяце, он звонил мне три или четыре раза и рассказывал историю своей жизни вплоть до того времени, когда он поселился в Манресе. Метод, которому следовал святой Игнатий, настолько ясен, что он живо представляет перед нашими глазами события прошлого.

Спрашивать его о чем-либо не было необходимости, поскольку не было упущено ничего важного. Я сразу же начал записывать определенные моменты, а затем дополнил детали. Я старался не писать ничего такого, чего бы я не слышал от него. Я так точно придерживался самих его слов, что впоследствии не смог объяснить значение некоторых из них. Это повествование я писал, как указал выше, вплоть до сентября 1553 года. С того времени и до 18 октября 1554 года, когда пришел отец Наталис, святой Игнатий не продолжал повествования, но извинился из-за немоги или других дел, сказав мне: "Когда такое-то дело будет улажено, напомни мне об этом". Когда эта работа была выполнена, я напомнил об этом в его память. Он ответил: "Сейчас у меня под рукой другое дело; когда оно закончится, напомни мне".

Отец Наталис был вне себя от радости, что было положено начало, и велел мне призвать святого Игнатия завершить это, часто говоря мне: "Никаким другим способом ты не сможешь принести больше пользы Обществу, ибо таково фундаментальное положение Общества". Он сам говорил об этом святому Игнатию, и мне было велено напомнить ему об этом, когда работа по основанию колледжа будет завершена. И когда все было закончено, дело с пресвитером Джоном улажено и курьер отбыл, мы продолжили историю 9 марта 1555 года. Примерно в это же время папа Юлий заболел и скончался 23 числа того же месяца. Затем повествование было отложено до избрания нового папы, который умер вскоре после своего избрания. Наша работа оставалась нетронутой до тех пор, пока папа Павел не взошел на папский престол. Из-за сильной жары и множества занятий биография не сильно продвинулась вперед до 21 сентября,

когда встал вопрос об отправке меня в Испанию. И поэтому он назначил на утро 22-го собрание в красной башне. Отслужив мессу, я подошел к нему, чтобы спросить, подходящее ли это время. Он велел мне идти и ждать его в красной башне. Предположив, что мне придется долго ждать, я задержался на крыльце, разговаривая с братом, который о чем-то спросил меня. Когда святой Игнатий пришел, он сделал мне выговор за то, что, вопреки послушанию, я не дождался его в назначенном месте, и он ничего не хотел делать в тот день. Тогда мы очень настойчиво уговаривали его продолжать. Итак, он пришел в красную башню и, по своему обыкновению, диктовал на ходу.

Делая эти заметки, я пытался разглядеть его лицо и продолжал приближаться к нему. Он сказал мне: "Соблюдай свое правило". И когда я подошел снова и посмотрел на него во второй и третий раз, он повторил то, что сказал, а затем ушел. Наконец, через некоторое время он вернулся в красную башню, чтобы закончить диктовку. Поскольку я собирался отправиться в свое путешествие, а святой Игнатий беседовал со мной за день до моего отъезда, я не смог полностью записать это повествование в Риме. В Генуе, куда я поехал, у меня не было секретаря-испанца, поэтому я продиктовал по-латыни пункты, которые привез с собой, и закончил запись в Генуе в декабре 1555 года.

Содержание

Страница

Предисловие редактора

5

Предисловие автора

9

ГЛАВА I

Его военная жизнь—Он ранен при осаде Пампелуны—Его исцеление—Духовное чтение—Явление—Дар целомудрия—Его стремление к путешествию в Иерусалим и более святой жизни

19

ГЛАВА II

Игнатий покидает свою Родину — Что он делал на Монтсеррате и в Манресе

30

ГЛАВА III

Угрызения совести—Небесные милости—Путешествие в Барселону

47

ГЛАВА IV

Его путешествие в Рим, Венецию, Иерусалим и Святую Землю

66

ГЛАВА V

Прибытие в Апулию, Венецию, Феррару и Геную — Его схватили как Шпиона — Его презирают как Дурака — Его учеба в Барселоне и Алькале

78

ГЛАВА VI

Тюрьмы в Алькале и Саламанке

93

ГЛАВА VII

Его учеба в Париже и другие эпизоды из его жизни

111

ГЛАВА VIII

Его прибытие на Родину и практикуемые там Добродетели — Его Путешествие в Испанию и Италию — Знаменитое Явление и его жизнь в том же Месте

129

ПРИЛОЖЕНИЕ

ST. Игнатий и его работа в сфере образования

145

Авторы

155

Образовательный план святого Игнатия

156

Автобиография святого Игнатия

Рассказ о его жизни , продиктованный отцу Гонсалесу святым Игнатием

ГЛАВА I

ЕГО ВОЕННАЯ ЖИЗНЬ—ОН РАНЕН ПРИ ОСАДЕ ПАМПЕЛУНЫ—ЕГО ИСЦЕЛЕНИЕ—ДУХОВНОЕ ЧТЕНИЕ—ЯВЛЕНИЕ—ДАР ЦЕЛОМУДРИЯ—ЕГО СТРЕМЛЕНИЕ К ПУТЕШЕСТВИЮ В ИЕРУСАЛИМ И БОЛЕЕ СВЯТОЙ ЖИЗНИ

До двадцати шести лет сердце Игнатия было пленено мирской суетой. Особое удовольствие ему доставляла военная жизнь, и им, казалось, руководило сильное и пустое желание снискать себе громкое имя. Цитадель Пампелуны находилась в осаде французов. Все остальные солдаты были единодушны в желании сдаться при условии свободного ухода, поскольку больше держаться было невозможно; но Игнатий так убедил командира, что, вопреки мнению всей остальной знати, он решил удержать цитадель от врага.

Когда настал день штурма, Игнациус признался в содеянном одному из дворян, своему товарищу по оружию. Солдат также признался в содеянном Игнациусу. После того, как стены были разрушены, Игнатий храбро сражался, пока вражеское пушечное ядро не сломало ему одну ногу и серьезно не ранило другую.

Когда он пал, цитадель была сдана. Когда французы овладели городом, они выказали большое восхищение Игнатием. Через двенадцать или пятнадцать дней в Пампелуне, где врачи французской армии оказали ему наилучший уход, его доставили на носилках в Лойолу. Его выздоровление шло очень медленно, и со всех сторон были вызваны врачи и хирурги для консультации. Они решили, что ногу следует сломать снова, чтобы кости, которые плохо срослись, можно было вправить должным образом, потому что они не были вправлены должным образом с самого начала или же были так сдвинуты в пути, что вылечить их было невозможно. Он подчинился, чтобы ему снова разрезали плоть. Во время операции, как и во всем, что он перенес до и после, он не произнес ни слова и не подавал никаких признаков страдания, кроме того, что крепко сжимал кулаки.

Тем временем силы его ослабевали. Он не мог принимать пищу и проявлял другие симптомы приближающейся смерти. В праздник святого Иоанна врачи потеряли надежду на его выздоровление, и ему посоветовали исповедаться. Приняв причастия накануне праздников святых Петра и Павла, ближе к вечеру врачи сказали, что если к середине ночи не произойдет изменений к лучшему, он наверняка умрет. Он был очень предан святому Петру, и по милости Божьей случилось так, что посреди ночи ему стало лучше.

Его выздоровление было настолько быстрым, что через несколько дней он был вне опасности. Когда кости его ноги срослись и прижались друг к другу, одна кость выступила ниже колена. В результате одна нога стала короче другой, а из-за кости, образовавшей там шишку, нога казалась сильно деформированной. Поскольку он не мог этого вынести, поскольку намеревался прожить жизнь при дворе, он спросил врачей, можно ли отрезать кость. Они ответили, что это возможно, но это причинило бы ему больше страданий, чем все, что предшествовало,

поскольку все было исцелено, и им понадобится место, чтобы разрезать рану. Однако он решил подвергнуться этой пытке.

Его старший брат смотрел на это с удивлением и восхищением. Он сказал, что у него никогда не хватило бы мужества перенести боль, которую больной человек переносил со своим обычным терпением. Когда плоть и выступающая кость были срезаны, были приняты меры для предотвращения того, чтобы одна нога не стала короче другой. С этой целью, несмотря на острую и постоянную боль, ногу держали растянутой в течение многих дней. Наконец, Господь даровал ему здоровье. Он вышел из опасности целым и невредимым, за исключением того, что ему было нелегко стоять на ноге, и он был вынужден лежать в постели.

Поскольку Игнатий любил художественную литературу, когда он оказался вне опасности, он попросил несколько романов, чтобы скоротать время. В том доме не было подобной книги. Вместо этого они дали ему "Жизнь Христа" Рудольфа картезианца и еще одну книгу под названием "Цветы святых", обе на испанском. Благодаря частому чтению этих книг он начал испытывать некоторую любовь к духовным вещам. Это чтение навело его ум на размышления о святых вещах, но иногда он возвращался к мыслям, над которыми он привык размышлять раньше.

Среди них была одна мысль, которая, превыше других, так наполнила его сердце, что он как бы погрузился в нее. Бессознательно это привлекало его внимание на три-четыре часа кряду. Он представлял себе, что он должен сделать в честь знатной дамы, как он должен отправиться в город, где она находится, в каких словах он обратится к ней, и какие яркие и приятные высказывания он будет использовать, какие воинские подвиги он должен совершить, чтобы доставить ей удовольствие. Он был так увлечен этой мыслью, что даже не осознавал, насколько выше его сил было сделать то, что он предлагал, ибо она была дамой чрезвычайно известной и высочайшего благородства.

Тем временем божественное милосердие действовало, заменяя эти мысли другими, подсказанными его недавними чтениями. Изучая жизнь Господа Нашего и святых, он начал размышлять, говоря себе: "Что, если бы я поступил так, как поступил святой Франциск?" "Что, если бы я поступил как святой Доминик?" Он размышлял над этими вещами в своем уме и постоянно предлагал себе серьезные и трудные вещи. Казалось, он чувствовал определенную готовность к их выполнению, без какой-либо другой причины, кроме этой мысли: "Св. Доминик сделал это; я тоже сделаю это". "Святой Франциск сделал это, следовательно, я сделаю это". Эти героические решения сохранялись некоторое время, а затем последовали другие суетные и мирские мысли. Эта череда мыслей занимала его долгое время, мысли о Боге чередовались с мыслями о мире. Но в этих мыслях была разница. Когда он думал о мирских вещах, это доставляло ему огромное удовольствие, но потом он чувствовал себя сухим и печальным. Но когда он подумал о путешествии в Иерусалим, о том, чтобы питаться только травами и практиковать аскезу, он испытал удовольствие не только думая о них, но и когда перестал.

Этой разницы он не замечал и не ценил, пока однажды глаза его души не открылись и он не начал интересоваться причиной этой разницы. На собственном опыте он узнал, что один ход мыслей приводил его в уныние, другой - в радость. Это было его первое рассуждение на духовные темы. Позже, когда он начал Духовные упражнения, он был просветлен и понял то, чему впоследствии научил своих детей о различении духов. Когда постепенно он осознал различные духи, которыми он был движим, один - дух Божий, другой - дьявол, и когда он

получил немалый духовный свет от чтения благочестивых книг, он начал более серьезно задумываться о своей прошлой жизни и о том, какое покаяние он должен совершить, чтобы искупить свои прошлые грехи.

Среди этих мыслей святое желание подражать святым людям пришло ему в голову; его решение не было более определенным, чем пообещать с помощью божественной благодати, что то, что они сделали, он тоже сделает. После выздоровления его единственным желанием было совершить паломничество в Иерусалим. Он часто постился и бичевал себя, чтобы удовлетворить желание покаяния, которое царило в душе, исполненной духа Божьего.

Суежные мысли постепенно уменьшались благодаря этим желаниям — желаниям, которые были немало усилены следующим видением. Однажды ночью, бодрствуя, он ясно увидел образ Пресвятой Богородицы с Младенцем Иисусом, при виде которого в течение значительного времени получал обильное утешение и испытывал такое раскаяние за свою прошлую жизнь, что не думал ни о чем другом. С того времени и до августа 1555 года, когда это было написано, он не испытывал ни малейшего намека на вожделение. Исходя из этого факта, мы можем предположить, что эта привилегия была божественным даром, хотя мы не осмеливаемся ни заявить об этом, ни сказать что-либо, кроме подтверждения того, что уже было сказано. Его брат и все в доме поняли по тому, что казалось внешне, какая великая перемена произошла в его душе.

Тем временем он продолжал свое чтение и придерживался принятого им священного решения. Дома его беседы были полностью посвящены божественным вещам и во многом способствовали духовному развитию других.

ГЛАВА II

ИГНАТИЙ ПОКИДАЕТ СВОЮ РОДИНУ — ЧТО ОН ДЕЛАЛ На МОНТСЕРРАТЕ И В МАНРЕСЕ

Игнатий, покинув отчий дом, отправился в путешествие верхом. Примерно в это же время у него вошло в привычку каждый вечер проходить дисциплину. Его брат пожелал сопровождать его до Огны, и во время путешествия Святой убедил его провести одну ночь в бдении у святилища Пресвятой Богородицы в Арункузе. Помолившись некоторое время в святилище о новых силах для своего путешествия, оставив своего брата в Огне в доме их сестры, к которой он нанес короткий визит, он отправился дальше в Наварру. Вспомнив, что чиновник герцогского дворца задолжал ему некоторую сумму, он собрал ее, отправив письменный отчет казначею, и распределил между людьми, перед которыми чувствовал себя в долгу. Часть денег он посвятил реставрации изображения Пресвятой Богородицы. Затем, отпустив двух оставшихся слуг, он в одиночку выехал из Наварры в направлении Монсеррата, горного городка Каталонии в северной части Испании.

Не лишним будет вспомнить событие, произошедшее во время этого путешествия, чтобы показать, каким образом Бог руководил им. Хотя он был преисполнен горячего желания служить

Богу, все же его знания о духовных вещах были все еще очень туманны. Он взял на себя необычайные епитимьи, не столько для того, чтобы искупить свои грехи, сколько с намерением сделать что-то угодное своему Господу. Он действительно заявил, что, хотя и был преисполнен глубочайшего отвращения к своим прошлым грехам, он не мог быть уверен в том, что они были прощены; однако в его аскезе было так сильно желание совершать великие дела для Христа, что он не думал о своих грехах. Когда он вспоминал об аскезах, совершаемых святыми людьми, весь его ум был сосредоточен на том, чтобы сделать что-то, чтобы сравняться с ними и даже превзойти их. В этом святом стремлении он находил свое утешение, ибо у него не было внутренних мотивов для своих покаяний, он еще очень мало знал о смирении, милосердии или терпении, ибо ради достижения этого многие святые люди вели аскетичный образ жизни. Еще меньше он знал ценность благоразумия, которое регулирует практику этих добродетелей. Совершить что-то великое во славу своего Бога, подражать святым людям во всем, что они делали до него, — это было единственной целью Игнатия в его практике внешнего умерщвления плоти.

Пока он шел дальше, к нему поравнялся сарацин верхом на лошади. В ходе беседы было упомянуто о Пресвятой Богородице. Незнакомец заметил, что, хотя он признает, что Мать Христа зачала без ущерба для своей девственной чистоты, все же он не может поверить, что после зачатия своего божественного Сына она все еще была девственницей. Он был так упрям в своем мнении, что никакие доводы со стороны Игнатия не могли заставить его отказаться от него. Вскоре сарацин поехал дальше, оставив паломника наедине с его собственными размышлениями. Они были не самого мирного характера. Он был сильно встревожен, размышляя о поведении своего недавнего попутчика, и чувствовал, что тот лишь плохо выполнил свой долг почитания Божьей Матери. Чем дольше он размышлял над этим вопросом, тем больше его душа наполнялась негодованием против самого себя за то, что он позволил сарацину так отзываться о Пресвятой Деве, и за недостаток мужества, который, как ему казалось, он проявил, не ответив сразу на оскорбление. Поэтому он почувствовал сильное побуждение броситься за ним и убить негодяя за оскорбительные выражения, которые тот употребил. После долгого внутреннего конфликта с этими мыслями он все еще пребывал в сомнениях и не мог решить, какому курсу следовать. Сарацин, который ехал дальше, упомянул ему, что намеревается направиться в город, расположенный недалеко от большой дороги. Наконец, Игнатий, утомленный своей внутренней борьбой и не придя ни к какому решению, решил разрешить все свои сомнения следующим новым способом: он даст волю своей лошади, и если, подъехав к перекрестку, его лошадь свернет на тропинку, ведущую к месту назначения Мавра, он погонится за ним и убьет его; но если его лошадь будет держаться большой дороги, он позволит негодяю скрыться. Сделав так, как он решил, по Промыслу Божьему случилось так, что его лошадь держалась большой дороги, хотя это место находилось всего в тридцати или сорока ярдах от него, а дорога, ведущая к нему, была очень широкой и легкой.

Прибыв в большую деревню, расположенную недалеко от Монтсеррата, он решил приобрести одежду для своего путешествия в Иерусалим. Поэтому он купил кусок мешковины, плохо сотканной и набитой колючими деревянными волокнами. Из этого он сделал одежду, доходившую ему до пят. Он купил также пару башмаков из грубой материи, которую часто используют для изготовления метел. Он никогда не носил ничего, кроме одного ботинка, и то не ради удобства, которое можно было извлечь из него, а потому, что, поскольку у него была привычка носить шнурок, перевязанный ниже колена в целях умерщвления плоти, эта нога очень сильно распухла по ночам, хотя он весь день ехал верхом. По этой причине он

чувствовал, что ему следует надеть обувь на эту ногу. Он также снабдил себя посохом паломника и тыквой для питья. Все это он привязал к своему седлу.

Вооружившись таким образом, он продолжил свой путь на Монтсеррат, по своему обыкновению размышляя о великих делах, которые он совершит ради любви к Богу. И поскольку раньше он читал рассказы Амадея Галльского и других подобных авторов, в которых рассказывалось, как христианские рыцари прошлого имели обыкновение проводить всю ночь, предшествующую дню, в который они должны были получить рыцарское звание, на страже перед алтарем Пресвятой Девы, он преисполнился этими рыцарскими фантазиями и решил подготовить себя к благородному посвящению в рыцари, проведя ночь в бдении перед алтарем Богоматери на Монсеррате. Он соблюдал все формальности этой церемонии, не сидя и не лежа, а попеременно стоя и преклоняя колени, и там он откладывал свои мирские достоинства, чтобы принять объятия Христа.

Прибыв на Монсеррат, он долгое время молился и с согласия своего духовника сделал письменное общее признание в своих грехах. На это ушло целых три дня. Он попросил и добился разрешения у своего духовника уступить ему лошадь и повесить меч и кинжал в церкви, у алтаря Пресвятой Богородицы. Этот исповедник был первым, перед кем он раскрыл свою внутреннюю сущность и раскрыл свое решение посвятить себя духовной жизни. Никогда прежде он никому не открывал своей цели.

Канун Благовещения Пресвятой Богородицы в 1522 году был временем, которое он выбрал для осуществления задуманного им проекта. С наступлением темноты, никем не замеченный, он подошел к нищему и, сняв с себя дорогие одежды, отдал их нищему. Затем он надел одежду паломника, которую купил ранее, и поспешил в церковь, где бросился на колени перед алтарем Пресвятой Богородицы и там, то преклоняя колени, то вставая, с посохом в руке, провел всю ночь.

После принятия Святого Причастия, чтобы избежать опоздания, он покинул город на рассвете. Он не пошел прямым путем, ведущим в Барселону, поскольку мог встретить тех, кто его знал и оказал бы ему честь, но он пошел окольным путем, который привел его в город под названием Манреса. Здесь он решил остаться на несколько дней в больнице и сделать кое-какие пометки в своей маленькой книжечке, которую для собственного утешения бережно носил с собой. Нарасстоянии примерно лиги от Монтсеррата его догнал человек, который быстрым шагом ехал за ним. Этот человек подошел к нему и спросил, отдал ли он определенную одежду бедняку, как тот заявил. Игнатий ответил, что это правда, что он отдал ее нищему. Узнав, что с последним жестоко обращались из-за того, что его подозревали в краже одежды, глаза Игнатия наполнились слезами от жалости к бедняге.

Хотя он так поспешно бежал от похвалы людей, он недолго пробыл в Манресе, прежде чем о нем рассказали много чудесных вещей. Эта слава возникла из-за того, что произошло на Монтсеррате. Его репутация росла день ото дня. Люди наперебой рассказывали о его святости, заявляя, что он отказался от огромных доходов и других замечательных вещей, не обращая особого внимания на реальные факты.

В Манресе он жил на подаяние, которое ежедневно просил. Он никогда не ел мяса и не пил вина, хотя ему их предлагали. Однако по воскресеньям он никогда не постился, и если ему

предлагали вино, он пил его умеренно. В прежние дни он очень заботился о своих волосах, которые носил, и, действительно, не без подходящего, в модной манере молодых людей его возраста; но теперь он решил перестать ухаживать за ними, ни расчесывать, ни стричь, и вообще не прикрывать голову ни днем, ни ночью. Чтобы наказать себя за чрезмерную тщательность, с которой он раньше заботился о своих руках и ногах, он теперь решил пренебречь ими.

Именно в то время, когда он жил в больнице в Манресе, произошло следующее странное событие. Очень часто ясной лунной ночью во дворе перед ним появлялся неясный силуэт, который он не мог разглядеть достаточно ясно, чтобы сказать, что это было. И все же она казалась такой симметричной и красивой, что его душа наполнилась удовольствием, когда он смотрел на нее. Оно имело форму змеи со сверкающими глазами, и все же это были не глаза. Он почувствовал, как неопишуемая радость охватила его при виде этого предмета. Чем чаще он видел это, тем большее утешение получал от этого, и когда видение покинуло его, его душа наполнилась печалью.

До этого периода он пребывал в постоянном состоянии спокойствия и утешения, не имея никакого внутреннего представления об испытаниях, сопутствующих духовной жизни. Но в течение того времени, когда длилось видение, иногда в течение нескольких дней, или немного раньше этого времени, его душа была сильно взволнована мыслью, которая доставляла ему немалое беспокойство. В его голове промелькнула мысль о трудностях, сопутствовавших тому образу жизни, который он начал, и ему показалось, что он услышал, как кто-то шепчет ему: "Как ты можешь продолжать в течение семидесяти лет своей жизни те занятия, которые ты начал?" Зная, что эта мысль была искушением лукавого, он изгнал ее таким ответом: "Можешь ли ты, несчастный, пообещать мне один час жизни?" Таким образом, он преодолел искушение, и его душа обрела покой. Это было его первое испытание, помимо того, о котором уже рассказывалось, и однажды оно внезапно постигло его, когда он входил в церковь. Он привык ежедневно слушать мессу и помогать на вечерне и повечерии — богослужениях, от которых получал большое утешение. Во время мессы он всегда перечитывал историю Страстей, и его душа наполнялась радостным чувством непрекращающегося покоя.

Вскоре после искушения, о котором только что говорилось, он начал испытывать большие перемены в своей душе. Одно время он был лишен всякого утешения, так что не находил удовольствия ни в устной молитве, ни в прослушивании мессы, ни в каких-либо духовных упражнениях. В другой раз, напротив, он внезапно почувствовал, как будто вся печаль и опустошение покинули его, испытав облегчение человека, с плеч которого внезапно сняли тяжелый плащ. Заметив все это, он был удивлен, задаваясь вопросом, в чем могло заключаться значение этих изменений, которых он никогда прежде не испытывал, и он сказал себе: "Что это за новая жизнь, в которую я вступаю?"

В это время он познакомился с некоторыми святыми людьми, которые проявили к нему большое доверие и с удовольствием беседовали с ним; ибо, хотя он пока еще мало разбирался в духовных вещах, все же он с большим пылом говорил на религиозные темы, и побуждал своих слушателей добиваться большего прогресса на пути служения Богу. Среди тех святых личностей, которые жили в Манресе, была одна дама преклонных лет, которая долгое время была посвящена служению Богу и которая была настолько хорошо известна во многих местах

Испании, что его Католическое величество, король Испании, однажды пожелал ее присутствия, чтобы посоветоваться с ней о некоторых проектах, которые он имел в виду. Эта дама, разговаривая однажды с нашим новым воином Христа, сказала ему: "Хотел бы я, чтобы Господь Иисус когда-нибудь явился тебе!" Игнациус, удивленный ее словами, понял их в буквальном смысле и спросил ее: "Как бы Он выглядел, если бы показался мне?"

Он всегда придерживался своего обычая еженедельно приступать к Таинствам Исповеди и Святого Причастия. Но здесь он обнаружил большой источник беспокойства из-за щепетильности, которая его раздражала. Ибо, хотя он записал свою общую исповедь на Монсеррате и с большим усердием и тщательностью пытался сделать ее полной, все же он всегда чувствовал, что что-то забыл в своей исповеди, и это вызывало у него сильное беспокойство. Даже несмотря на то, что теперь он должен был признаться в этом снова, он не получил утешения. Тогда он попытался найти духовного человека, который мог бы облегчить его беду, но никого не нашел. Наконец, некий врач, имевший опыт в духовных вопросах и бывший церковным проповедником, посоветовал ему записать все, что он помнил и боялся, что не исповедовался. Он подчинился, и даже после того, как он признался в этих грехах, угрызения совести все еще продолжали наполнять его душу, и он постоянно вспоминал незначительные детали, в которых не признавался. Таким образом его жестоко мучили. Он хорошо знал, что эти угрызения совести причиняют немалый вред духовной жизни и что было бы разумнее всего избавиться от них, и все же они продолжали мучить его. Временами ему приходило в голову, что было бы хорошо, если бы он попросил своего духовника приказать ему во имя Господа Иисуса больше не исповедоваться ни в чем из своих прошлых грехов; и он мысленно молился, чтобы его духовник дал ему какой-нибудь такой приказ, но он не мог заставить себя попросить его об этом.

ГЛАВА III

УГРЫЗЕНИЯ СОВЕСТИ—НЕБЕСНЫЕ МИЛОСТИ—ПУТЕШЕСТВИЕ В БАРСЕЛОНУ

Наконец его духовник, без каких-либо намеков со стороны кающегося, приказал ему не признаваться ни в чем из своей прошлой жизни, кроме того, что было очень ясно и очевидным. Но поскольку он считал все, что происходило в прошлом, очевидным, приказ исповедницы ему нисколько не помог. Он был в постоянном беспокойстве. В то время он жил в доминиканском монастыре, в маленькой келье, которую отвели ему отцы. Он придерживался своего обычного обычая молиться на коленях по семь часов в день и бичевал себя три раза в день и ночью. Но все это не избавило его от угрызений совести, которые мучили его месяцами. Однажды, когда он был ужасно измучен, он начал молиться. Во время своей молитвы он громким голосом взывал к Богу: "О Господь, помоги мне, ибо я не нахожу исцеления ни среди людей, ни в каком другом творении! Если бы я думал, что смогу найти такую, никакая работа не показалась бы мне слишком большой. Покажи мне кого-нибудь! О Господь! где я могу найти такую? Я готов на все, чтобы обрести облегчение".

Мучимый этими мыслями, он несколько раз испытывал сильное искушение выброситься из большого окна своей кельи. Это окно находилось совсем рядом с местом, где он молился. Но

поскольку он знал, что было бы грехом лишить себя жизни, он начал молиться: "О Господь, я не сделаю ничего, что могло бы оскорбить Тебя". Он часто повторял эти слова в своей предыдущей молитве, когда ему на ум пришла история об одном святом человеке, который, чтобы получить от Бога какую-то милость, которой он горячо желал, провел много дней без пищи, пока не получил милость, о которой просил. Он решил сделать то же самое. В своем сердце он решил не есть и не пить до тех пор, пока Бог не взглянет на него с милостью или пока он не окажется на пороге смерти; только тогда он должен есть.

Это решение было принято в воскресенье после причастия, и в течение целой недели он ничего не ел и не пил; тем временем он практиковал свои обычные епитимьи, читал Богослужение, молился на коленях в назначенное время и вставал в полночь. В следующее воскресенье, собираясь совершить свою обычную исповедь, поскольку у него была привычка сообщать своему духовнику обо всем, что он делал, даже в мельчайших деталях, он сказал ему, что ничего не ел в течение прошлой недели. После этого его духовник велел ему прервать пост. Хотя он чувствовал, что у него еще достаточно сил, чтобы продолжать обходиться без пищи, тем не менее он послушался своего духовника и в тот день и на следующий был свободен от угрызений совести. Однако на третий день, во вторник, когда он стоял на молитве, воспоминание о своих грехах вернулось к нему. Один предлагал другой, пока он не перечислил один за другим все свои прошлые грехи. Затем он подумал, что должен повторить свое общее признание. После этих мыслей им овладело нечто вроде отвращения, так что он почувствовал желание отказаться от той жизни, которую вел. Находясь в этом состоянии, Богу было угодно как бы пробудить его ото сна и избавить от его беды. Поскольку он приобрел некоторый опыт в распознавании духов, он воспользовался уроками, полученными от Бога, и начал исследовать, как этот дух овладел его душой; затем он решил никогда больше не говорить о своих прошлых грехах на исповеди. С того дня он был свободен от угрызений совести и почувствовал уверенность, что такова воля нашего милосердного Господа избавить его от душевных терзаний.

Помимо семи часов, посвященных молитве, он тратил часть своего времени на помощь душам, которые приходили к нему за советом. Весь остаток дня он посвящал свои мысли Богу, размышляя о том, что он прочитал или размышлял в тот день. Когда он уходил на покой, часто случалось, что к нему приходили чудесные озарения и великие духовные утешения, так что он сокращал то короткое время, которое уже отвел для сна. Однажды, размышляя над этим вопросом, он пришел к выводу, что уделил достаточно времени для беседы с Богом, и что, более того, Ему также был дан целый день. Затем он начал сомневаться, были ли эти озарения от Доброго Духа. Наконец пришел к выводу, что было бы лучше отказаться от части и уделить достаточно времени сну. Он так и сделал.

В то время как он упорствовал в своем решении воздерживаться от мяса, однажды утром, после пробуждения, перед ним, казалось, поставили блюдо с вареным мясом. Казалось, он видел это своими глазами, хотя раньше не испытывал к этому никакой тяги. В то же время впоследствии он ощутил внутри себя определенное движение воли, побуждавшее его есть мясо. Хотя на ум пришло воспоминание о его прежнем решении, он не сомневался в том, что будет есть мясо. Когда он сообщил об этом своему духовнику, последний посоветовал ему подумать, было ли это искушением или нет. Размышляя над этим, он почувствовал уверенность в своей правоте. В тот период Бог обращался с ним как учитель, наставляющий ученика. Было ли это из-за его невежества или тупости, или потому, что ему больше некому было учить его? Или из-за непоколебимой решимости, которую он имел в служении Богу, с которой Сам Бог вдохновил

его, ибо данный ему свет не мог быть больше? Он был твердо убежден, как тогда, так и впоследствии, что Бог обошелся с ним таким образом, потому что это было лучшей духовной подготовкой для него. Пять следующих пунктов докажут то, что он говорит:—

Во-первых, он был очень предан Пресвятой Троице. Каждый день он молился каждому из трех Лиц и всей Троице. Когда он таким образом молился Пресвятой Троице, ему пришла мысль о том, как вознести Божеству четырехкратные молитвы. Эта мысль, однако, почти не доставила ему хлопот. Однажды, когда он читал на ступенях монастыря краткие часы в честь Пресвятой Богородицы, видение унесло его за пределы земли. Ему казалось, что он видит Пресвятую Троицу в виде лиры или арфы; это видение так сильно тронуло его, что он не мог удержаться от слез и вздохов. В тот же день он сопровождал процессию из церкви, но даже до обеда не мог сдержать слез, а после обеда его радость и утешение были так велики, что он не мог говорить ни о чем, кроме Пресвятой Троицы. В этих беседах он использовал множество различных сравнений, чтобы проиллюстрировать свои мысли. Тот случай произвел на него такое впечатление, что в течение всей его последующей жизни, всякий раз, когда он молился Пресвятой Троице, он испытывал великую преданность.

В другой раз, к его великой радости, Бог позволил ему понять, как Он создал этот мир. Это видение представило ему белый предмет с исходящими от него лучами. От этого предмета Бог послал свет. Однако он не мог ясно объяснить это видение и не мог вспомнить озарения, данные ему Богом в тот раз. Во время своего пребывания около года в Манресе, после того как он начал получать от Бога утешения и плодотворный свет для руководства другими, он отказался от своих прежних суровых покаяний. В то время он подстригал ногти и волосы. Во время своего пребывания в Манресе, когда он служил мессу, у него было другое видение в церкви монастыря. На возвышении тела Христа, Господа Нашего, он увидел очами своей души белые лучи, нисходящие сверху. Хотя он не может, после столь долгого перерыва, объяснить детали этого видения, все же то, каким образом Господь Наш Иисус Христос присутствует в Благословенном Причастии, ясно и живо запечатлелось в его сознании. Часто в молитве, и даже в течение длительного промежутка времени, он видел человечность Христа глазами души. Форма, в которой предстало это видение, была формой белого тела, ни большого, ни маленького; кроме того, казалось, что в Его теле не было различия между членами. Это видение часто являлось ему в Манресе, возможно, двадцать или даже сорок раз, один раз в Иерусалиме и один раз, когда он был в Падуе. Он видел Пресвятую Деву в том же облике, без какого-либо различия членов. Эти видения придавали ему такую силу, что он часто думал про себя, что, хотя Священное Писание и не свидетельствует об этих тайнах веры, все же, судя по тому, что он видел, его долгом было бы отдать за них свою жизнь.

Однажды он отправился в церковь Святого Павла, расположенную примерно в миле от Манресы. Недалеко от дороги есть ручей, на берегу которого он сидел и смотрел на глубокие воды, текущие мимо. Когда он сидел там, глаза его души открылись. У него не было никакого особого видения, но его ум был просветлен по многим вопросам, духовным и интеллектуальным. Это знание было настолько ясным, что с того дня все предстало перед ним в новом свете. Таково было изобилие этого света в его сознании, что вся полученная божественная помощь и все знания, приобретенные до его шестидесяти двух лет, были несравнимы с ним.

С того дня он казался совсем другим человеком и обладал новым интеллектом. Это озарение длилось долго. Когда он преклонил колени в знак благодарности за эту милость, ему явился тот

предмет, который он часто видел раньше, но никогда не понимал. Это казалось чем-то прекраснейшим и, так сказать, сияющим множеством глаз. Так это выглядело всегда. Там был крест, возле которого он молился, и он заметил, что рядом с крестом видение частично утратило свой прежний красивый цвет. Из этого он понял, что видение было делом рук дьявола, и всякий раз, когда видение являлось ему после этого, как это случалось несколько раз, он рассеивал его своим посохом.

Во время сильной лихорадки в Манресе он думал, что близок к смерти. Тогда ему пришла в голову мысль, что он уже оправдан перед Богом. Вспоминая о своих грехах, он пытался бороться с этой мыслью, но не мог преодолеть ее, и эта борьба за преодоление искушения причиняла ему гораздо больше страданий, чем сама лихорадка. После того, как лихорадка несколько спала и он был вне опасности, он воззвал к нескольким знатным дамам, пришедшим навестить его, и попросил их из любви к Богу громко воскликнуть, когда в следующий раз они обнаружат его при смерти: "О грешник!" и "Вспомни грехи, которыми ты оскорбил Бога".

В другой раз, во время плавания из Валенсии в Италию, в разгар сильного шторма сломался руль, и он и все, кто был на борту, были убеждены, что корабль должен затонуть, если не придет помощь сверху. Затем, когда он исследовал свою совесть и готовился к смерти, у него не было ни страха из-за прошлых грехов, ни страха вечного наказания, но он испытывал сильный стыд и печаль при мысли о том, что не сумел должным образом воспользоваться милостями, которые Бог даровал ему. И снова, в 1550 году, он был опасно болен, и, по его собственному мнению и мнению других, он был при смерти. Однако на этот раз всякий раз, когда он думал о смерти, в его душу вливалось такое утешение, что он плакал слезами радости. Он оставался в этом состоянии так долго, что ему часто приходилось отвлекаться от мыслей о смерти, чтобы не находить в этой мысли слишком большого утешения.

В начале следующей зимы он тяжело заболел и был передан на попечение отца человека по имени Феррера, который впоследствии поступил на службу к Бальтазару Фариа. Здесь за ним очень тщательно ухаживали. Несколько дам самого высокого ранга были очень преданы ему и приходили каждую ночь дежурить рядом с ним. Когда он начал выздоравливать, он все еще был чрезвычайно слаб и страдал от сильных болей в животе. Эти две причины, а также сильный холод и мольбы его слуг побудили его надеть обувь, более теплую одежду и шапку. Ему пришлось взять два маленьких плаща из грубой сероватой материи и маленькую шапочку того же цвета. Во время этой болезни его постоянным желанием было говорить о духовных вещах и найти кого-нибудь, кто мог бы говорить на такие темы. Между тем приближалось время, которое он назначил для своего путешествия в Иерусалим.

Поэтому в начале 1523 года он отправился в Барселону. Многие предлагали сопровождать его, но он отказался, так как хотел отправиться один. Он ожидал получить огромную выгоду, полностью доверившись только Богу. Некоторые были очень серьезны и настаивали на том, что, поскольку он не знает ни латыни, ни итальянского, ему не следует идти одному, а следует взять с собой некоего спутника, которого они очень хвалили. Игнатий ответил, что, даже будь он сыном или братом герцога Кордовы, он не взял бы его в компаньоны, поскольку желает обладать только тремя добродетелями — Верой, Надеждой и Милосердием. Если бы он взял с собой компаньона, то, будучи голодным, он обратился бы к своему компаньону за едой; если бы он устал, он обратился бы к своему компаньону за помощью; и таким образом, он доверился бы своему компаньону и испытывал к нему некоторую привязанность; тогда как он хотел бы

возложить всю эту уверенность, надежду и привязанность только на Бога. Эти слова были не просто выражением уст, но они были истинными чувствами его сердца. По этим причинам он хотел отправиться в путь не только один, но даже без каких-либо припасов для путешествия. Когда он договорился о своем путешествии, капитан согласился взять его бесплатно, так как у него не было денег; но при условии, что он возьмет с собой столько матросского хлеба, сколько хватит ему на пропитание. Если бы не это условие, выдвинутое капитаном, Игнациус вообще отказался бы брать с собой какие-либо припасы.

Когда он подумал о том, чтобы раздобыть хлеба, его сильно мучили угрызения совести. "Это ваша надежда и вера в Бога, который, как вы были уверены, не подведет вас?" Сила искушения были таковы, что он был очень огорчен. У обеих сторон были на то веские причины. В конце концов, в своем замешательстве он решил предоставить это дело своему духовнику. Сначала он рассказал ему о своем великом желании отправиться в Иерусалим и сделать все для вящей славы Божьей. Затем он объяснил причины, по которым не взял с собой провизии для путешествия. Его духовник решил, что он должен выпросить все необходимое и взять это с собой. Он пошел к знатной даме, чтобы попросить то, в чем он нуждался. Когда она спросила, куда он направляется, он немного поколебался, прежде чем сообщить свой конечный пункт назначения, и ответил, что направляется в Италию и Рим. Она была несколько удивлена этим и ответила: "В Рим? Что касается тех, кто отправляется туда — ну, мне не хотелось бы говорить, кем они будут, когда вернутся". Под этим она имела в виду, что, поскольку большинство из тех, кто ездил в Рим, руководствовались не мотивами благочестия и набожности, по возвращении они были ненамного лучше. Причиной, по которой он открыто не заявлял о своем намерении отправиться в святой город Иерусалим, был его страх поддаться напрасной славе. На самом деле, он был так сильно обеспокоен этим страхом, что боялся сообщить даже место своего рождения или имя своей семьи. Раздобыв хлеб, он, прежде чем подняться на борт, позаботился оставить на скамейке на пристани пять или шесть испанских монет, которые ему дали в качестве милостыни.

Богоматерь Придорожная.

Любимая картина святого Игнатия.

Ему пришлось оставаться в Барселоне более двадцати дней, прежде чем корабль был готов к отплытию. В то время, в соответствии со своим обычаем, чтобы поговорить с духовными людьми о своей душе, он искал их, даже находясь в отшельничестве на большом расстоянии от города. Но ни тогда, ни за все время своего пребывания в Манресе он не смог найти никого, кто мог бы помочь ему продвигаться так, как он хотел. Однако он встретил одну женщину, которая, казалось, была хорошо знакома с духовной жизнью. Она пообещала помолиться Иисусу Христу и попросить Его лично явиться Игнатию. В соответствии с этим обещанием, покинув Барселону, он оставил все заботы о поиске душ, продвинувшихся в духовной жизни.

ГЛАВА IV

ЕГО ПУТЕШЕСТВИЕ В РИМ, ВЕНЕЦИЮ, ИЕРУСАЛИМ И СВЯТУЮ ЗЕМЛЮ

После пятидневного плавания судно, на котором они отплыли из Барселоны, достигло Гаэты, и паломник сошел на берег и направился в Рим, хотя там была опасность из-за чумы. Добравшись до города, он обнаружил, что ворота закрыты. Он провел ночь в сырой церкви, а утром попытался войти в город, но не смог получить разрешения. Поскольку за пределами города нельзя было получить милостыню, он хотел отправиться в соседнюю деревню, но из-за явной слабости паломник не мог идти дальше. В тот день случилось так, что изгорода вышла большая процессия. Расспросив паломника, он узнал, что в толпе была герцогиня. Он подошел к ней, сказал, что его болезнь была просто следствием слабости, и попросил разрешения войти в город, чтобы получить облегчение. Она с готовностью согласилась. Ему сопутствовал успех, силы вернулись к нему, и два дня спустя он возобновил свое путешествие, достигнув Рима в Вербное воскресенье.

Те, кого он встретил в Риме, знали, что у него нет денег на поездку в Иерусалим. Они пытались отговорить его от этого предприятия, утверждая, что такое путешествие невозможно без денег. Однако он был уверен, что все необходимое для его путешествия будет под рукой, когда потребуется. Соответственно, в октаву Пасхи он получил благословение Адриана VI и уехал из Рима в Венецию. У него было при себе шесть или семь золотых монет, которые они дали ему, чтобы оплатить проезд из Венеции до Иерусалима. Он взял эти деньги с собой из Венеции только потому, что его убедили, что без них он не сможет добраться до Иерусалима. На третий день после того, как он выехал из Рима, он понял, что этот страх был вызван недостатком уверенности, и пожалел, что принял деньги, и раздумывал, не отдать ли их. В конце концов, однако, он решил потратить их на тех, кого встречал, которые в основном были нищими. В результате, когда он приехал в Венецию, у него осталось всего четыре монеты, и они были необходимы ему для ночлега в ту ночь.

Во время этого путешествия в Венецию из-за часовых, расставленных по городам, он был вынужден спать за городскими стенами. Страх перед чумой был так велик, что однажды утром, проснувшись, он увидел человека, в ужасе убегающего от него. Продолжая свое путешествие, он добрался до Чизоа с несколькими другими, которые присоединились к нему по дороге. Там он узнал, что ему не разрешат въехать в город. Затем он вместе со своими спутниками отправился в Падую, чтобы получить свидетельство нотариуса о том, что группа не была поражена чумой. Игнатий из-за своей слабости не мог поспевать за остальными и был оставлен один в открытом поле. Затем Христос явился ему, как Он появлялся в прежних случаях. Это видение значительно укрепило и утешило его. На следующее утро, преисполненный новой храбрости, он подошел к воротам города и, хотя у него не было удостоверения, вошел, не подвергаясь сомнению со стороны стражи. Точно так же он покинул город, не подвергаясь сомнению. Его товарищи были удивлены этим, поскольку им пришлось предъявить удостоверение, которое он не потрудился раздобыть. В Венеции они просили милостыню и ночевали на площади Сан-Марко. Игнатий отказался идти в дом посла, и хотя он не прилагал никаких усилий, чтобы раздобыть денег на свое путешествие в Иерусалим, тем не менее он был уверен, что Бог снабдит его средствами.

Однажды он встретил богатого испанца, который спросил его, куда он направляется, и, узнав о его намерении, пригласил его пообедать к себе домой. Здесь он пробыл несколько дней. С тех пор как Игнатий покинул Манресу, сидя за столом с другими, он взял за правило никогда не разговаривать, за исключением кратких ответов на вопросы. Однако он слышал все, что было сказано, и воспользовался случаем после ужина, чтобы придать беседе духовный оборот. Хозяин и вся его семья были так преисполнены восхищения им, что попытались уговорить его остаться с ними и представили его венецианскому дожу. Последний предложил ему размещение на правительственном корабле, который вот-вот отплывет на Кипр. Многие паломники собрались в Венеции, чтобы отправиться в Иерусалим, но большая часть колебалась из-за страха, так как остров Родос попал в руки турок. Тринадцать человек плыли на корабле паломников, который первым снялся с якоря. На правительственном корабле было восемь или девять человек. Примерно во время отплытия Игнатий заболел лихорадкой, которая продолжалась несколько дней. В день отплытия он принял прописанное лекарство и спросил врача, может ли он поехать. Врач ответил, что может, если хочет, чтобы судно стало его могилой. Тем не менее он поднялся на борт и после приступа болезни вскоре выздоровел.

Игнатиус строго осудил распушенное поведение тех, кто находился на борту. Испанцы посоветовали ему не делать этого, поскольку остальные подумывали бросить его на острове. Но ветер быстро перенес их на Кипр. С Кипра они направились в другой порт под названием Салины, расположенный в десятилигах от них. Здесь он поднялся на борт корабля паломников, не имея ничего, кроме надежды на Провидение. В течение всего этого путешествия Господь часто являлся ему и давал великое утешение. Видения, казалось, принимали форму чего-то большого, круглого и золотого. Путешественники достигли Иоппии и, сев на ослa, по обычаю тех мест, отправились в Иерусалим. Благородный испанский джентльмен по имени Дидакус Минес, когда паломники увидели город, посоветовал им помолчать и предаться воспоминаниям.

Все последовали его совету и, увидев приближающегося монаха с распятием, спешили. Увидев город, Игнатий был глубоко тронут, а остальные утверждали, что испытали своего рода небесную радость. Он всегда испытывал такую же преданность, когда посещал святые места. Он решил остаться в Иерусалиме, чтобы почаще посещать святые места. С этой целью он взял с собой рекомендательные письма к отцу-опекуну. Представив их, он сказал, что намеревался остаться там, чтобы удовлетворить свою собственную преданность, но ничего не сказал о своей цели помогать другим. Отец-опекун сказал ему, что не понимает, как это может быть возможно, поскольку его дом не в состоянии обеспечить даже его собственную Церковь, и он намеревался отослать некоторых из них подальше от Святой Земли. Игнатиус сказал, что хочет, чтобы он просто выслушал его исповедь, поскольку он пришел сделать это. Отец-опекун сказал, что это можно сделать, но ему следует дождаться прибытия Провинциала, который в то время находился в Вифлееме. Полагаясь на это обещание, Игнатий начал писать письма духовным лицам в Барселоне. Он написал кое-что за день до отъезда, когда его вызвали от имени Отца-опекуна и Провинциала. Тогда Провинциал, ласково обратившись к нему, сказал, что слышал о его благочестивом решении остаться в святых местах и серьезно обдумал это. У многих других было такое же желание, некоторые умерли, другие были взяты в плен, и по его Приказу была оставлена работа по выкупу пленников, поэтому он должен был подготовиться к продолжению своего путешествия с паломниками на следующий день. На это Игнатий ответил, что его решение было очень твердым, и он не думал, что что-либо помешает ему выполнить его. Если бы заповедь не связывала его под страхом совершения греха, он не позволил бы никакому

страху помешать ему осуществить свое желание. Провинциал сказал, что у него есть полномочия от Святого Престола задерживать тех, кого он сочтет нужным, и даже отлучать от церкви тех, кто не подчинится, когда его остановят, и он подумал, что в данном случае ему лучше не оставаться. Когда он захотел показать папские бумаги, дающие ему право отлучать от церкви, Игнатий сказал, что в этом нет необходимости, поскольку он верит ему на слово. Если бы у них были полномочия, он бы подчинился.

После этого, вернувшись туда, где он был раньше, он был охвачен сильным желанием снова посетить Елеонскую гору перед своим отъездом, поскольку Божественная Воля не позволила ему оставаться в этих святых местах. На той горе есть скала, с которой Наш Господь вознесся на небеса, на которой даже сейчас видны Его следы. И это то, что он хотел увидеть снова. Поэтому, никому ничего не сказав и без проводника, хотя идти без турецкой охраны было опасно, тайно отступив, он отправился на Елеонскую гору один. Поскольку стражники не позволили ему войти, он отдал им свой нож. После великого утешения в молитве он пожелал отправиться в Виффагию. Когда он достиг этого места, ему показалось, что на Елеонской горе он не заметил положения правой ноги Нашего Господа и левой. Он пришел во второй раз и отдал свои ножницы стражникам, чтобы те позволили ему войти. Позже, когда в монастыре обнаружилось, что он ушел без проводника, его начали усиленно разыскивать. Спускаясь с Елеонской горы, он встретил опоясанного христианина, тех, кто обязан носить пояс, чтобы отличать их от мусульман; этот человек, притворившись очень сердитым, пригрозил ему большой палкой и, подойдя, крепко схватил его за руку. Он позволил увести себя, но добрый человек, как только схватил его, не отпустил. Тем временем, когда его таким образом вели по узилищу, его посетило великое утешение, поскольку ему казалось, что он видит Христа, идущего над ним. И это продолжалось до тех пор, пока он не добрался до монастыря.

ГЛАВА V

ЕГО ПРИБЫТИЕ В АПУЛИЮ, ВЕНЕЦИЮ, ФЕРРАРУ И ГЕНУЮ — ЕГО СХВАТИЛИ КАК ШПИОНА — ЕГО ПРЕЗИРАЮТ КАК ДУРАКА — ЕГО УЧЕБА В БАРСЕЛОНЕ И АЛЬКАЛЕ

На следующий день паломники отправились в путь и, прибыв на Кипр, были распределены по разным судам. В гавани того места стояли три или четыре корабля, направлявшихся в Венецию. Один из них принадлежал какому-то турку; другой был слишком мал; но третий, собственность богатого венецианца, была очень большой и прочной.

Кто-то из команды попросил капитана этого последнего судна взять "пилигрима" на борт; но, обнаружив, что никакой платы предложено не будет, он отказался, несмотря на то, что многие умоляли его и громко восхваляли "пилигрима". Он ответил, что если бы паломник действительно был святым человеком, он мог бы пересечь море, как это сделал святой Иаков.

Одолжение, о котором они просили, было легко получено от капитана меньшего корабля.

В определенный день они вышли в море при попутном ветре, но ближе к вечеру поднялся шторм, который швырял суда в разные стороны. Большой корабль, капитан которого отказался взять Игнатия, был отброшен бурей к острову Кипр и разбился вдребезги. Такая же участь

постигла турецкое судно. Однако маленькое судно, хотя и долгое время подвергалось серьезным испытаниям со стороны ветра и волн, наконец благополучно достигло берегов Апулии.

Несмотря на то, что наступила зима с сильными холодами и выпал сильный снег, у Игнациуса не было никакой одежды, кроме пары бриджей до колен очень грубой ткани, оставлявших ноги обнаженными, черного жилета нараспашку и довольно рваного на плечах, легкого плаща из грубой шерсти и пары башмаков. Он прибыл в Венецию примерно в середине января, проведя добрую часть предыдущего месяца и весь ноябрь на борту корабля, который доставил его с Кипра.

В Венеции он встретил друга, который был добр к нему по пути в Иерусалим. От него он получил милостыню и немного ткани, которой обернул свое тело для защиты от сильного холода.

Когда Игнатий понял, что Бог не желает, чтобы он оставался в Иерусалиме, он начал обдумывать, что ему следует делать. План, который он одобрил и утвердил, состоял в том, чтобы пройти курс обучения, чтобы быть лучше подготовленным к спасению душ. С этой целью он решил отправиться в Барселону и, выехав из Венеции, направился в Геную.

Во время молитвы в главной церкви Феррары он дал пять или шесть монет нищему, который попросил подаяние. Второму нищему он был не менее щедр. Как только нищие увидели, что он так расточительно подает милостыню, они столпились вокруг него, пока он не истратил все деньги, которые у него были; поэтому, когда другие подошли попросить помощи, он извинился, сославшись на то, что у него ничего не осталось.

Направляясь из Феррары в Геную, он встретил нескольких испанских солдат, которые отнеслись к нему доброжелательно и были немало удивлены его выбором такого маршрута, поскольку, поступая таким образом, он был вынужден пройти через самую гущу армий Франции и Испании. Поэтому они умоляли его выбрать более безопасную дорогу, на которую они ему укажут, и свернуть с шоссе.

Однако, не последовав их совету, он продолжал идти прямо, пока не пришел в город, укрепленный мощными стенами. Схваченный как шпион, стражники бросили его в маленький дом недалеко от ворот и, как это принято в такие подозрительные времена, тщательно допросили. Однако по всем пунктам он проявил величайшее невежество. Наконец они обыскали его одежду и обувь, чтобы посмотреть, нет ли у него каких-нибудь посланий, и, ничего не найдя, привели его к капитану. Они сняли с него плащ, оставив только жилет и бриджи до колен.

Поскольку он был вынужден ходить в таком состоянии, ему вспомнилась мысль о Христе, которого вели как пленника. Хотя его заставили пройти по трем главным улицам города, он сделал это не с грустью, а испытывая огромную радость и утешение.

Обращаясь к другим, он имел привычку говорить "вы", не употребляя никаких других слов, выражающих почтение или достоинство, полагая, что такова простота как Апостолов, так и Самого Христа.

Пока его вели по разным улицам, ему пришло в голову, что было бы неплохо несколько отступить от своих обычных обычаев и проявить большее уважение к коменданту этого места. Такая мысль ни в коем случае не была результатом страха перед каким-либо наказанием, которое они могли бы нанести. Однако он почувствовал, что это было искушением; он сказал: "В таком случае я не буду ни обращаться к нему как к достойному человеку, ни преклонять колена в знак уважения, ни даже снимать шляпу в его присутствии".

Добравшись до резиденции командующего, его заставили некоторое время ждать во внутреннем дворе, прежде чем вызвать к себе. Затем, не проявляя ни малейшей вежливости, он делал такие паузы после каждого произнесенного слова, что командир принял его за дурака и сказал своим похитителям: "Этот человек - идиот; верните то, что ему принадлежит, и отошлите его".

Некий испанец встретил Игнатия, выходившего из дома командующего, привел его домой таким, каким он был, и дал ему еды и всего необходимого на ту ночь.

На следующее утро он продолжил свой путь до вечера, когда, замеченный солдатами форта, был схвачен и доставлен к командующему французскими войсками. Последний, среди прочего, спросил, откуда он родом. Когда Игнациус ответил: "Гипускоа", - офицер сказал: "Я тоже родом откуда-то неподалеку", - и немедленно приказал отвести Игнациуса в дом поужинать и обращаться с ним очень любезно.

В Генуе его узнал кантабриец, который разговаривал с ним в другом месте, когда служил в армии его католического величества. Благодаря его влиянию его посадили на корабль, направлявшийся в Барселону. Он был очень близок к тому, чтобы попасть в плен к Андреа Дореа, который в то время находился на службе у французов, и бросился в погоню за судном.

В Барселоне он получил возможность учиться благодаря помощи благородной и очень набожной дамы Изабель Розер и учителя по имени Ардебал. Оба высоко одобрили его план, Ардебал пообещал обучать его бесплатно, в то время как Изабелла великодушно предложила обеспечить его всем необходимым.

В Манресе жил очень святой монах из ордена Святого Бернарда, с которым Игнатий пожелал остаться как для своего личного руководства, так и для того, чтобы подготовиться к руководству другими. Соответственно, он принял предложение двух своих великодушных друзей при условии, что то, что он искал, нельзя будет получить в Манресе. Обнаружив, однако, что монах умер, он вернулся в Барселону и занялся учебой. Однако в этом ему было суждено столкнуться с некоторыми трудностями. В ходе его изучения принципы грамматики вызвали появление новых духовных мыслей и вкусов в таком изобилии, что он не мог ничего запомнить, и, хотя он усердно старался, ему не удавалось избавиться от этих мыслей.

Заметив, однако, что во время молитвы на мессе он не испытывал подобных мыслей, он счел это искушением. Соответственно, помолившись некоторое время, он попросил своего учителя прийти в церковь Пресвятой Марии Морской, недалеко от дома профессора, и там послушать, что он ему скажет. Игнатий добросовестно изложил все состояние своего ума и то, почему он до сих пор узнал так мало. "Но, - сказал он, - я обещаю не испытывать недостатка во внимании в школе в течение этих двух лет, при условии, что в Барселоне я смогу найти хлеб и воду".

Такое признание было чрезвычайно действенным, и с тех пор он никогда не испытывал подобного искушения. Боли в желудке, мучившие его в Манресе, прекратились, и фактически они не беспокоили его с того момента, как он отправился в Иерусалим.

Во время учебы в Барселоне он хотел практиковать свои прежние аскезы. Соответственно, проделав дырки в подошвах своих ботинок, он понемногу разрывал их, пока не осталось ничего, кроме верхней части.

По окончании двухлетнего обучения, в котором, как говорят, он значительно продвинулся, учитель посоветовал ему отправиться в Алкалу изучать философию, поскольку он был признан к этому готов.

Однако, прежде чем отправиться в путь, он пожелал пройти обследование у одного теолога. Поскольку он также дал ему тот же совет, Игнатий без сопровождения отправился в Алкалу. Здесь он начал просить милостыню и жить на подаяние. Через десять или двенадцать дней такой жизни он навлек на себя презрение священника и некоторых других. Они начали оскорблять его как человека, который предпочитал жить на подаяние, хотя вполне мог сам себя прокормить.

Начальник новой больницы, видя такое грубое обращение с ним, забрал его домой, поместил в палату и щедро обеспечил его потребности.

Время его прибытия в Барселону было примерно Великим постом 1524 года; и поскольку он оставался там более двух лет, мы не находим его в Алькале до 1526 года. В последнем месте он проводил свое время за изучением трудов Скотта, Альберта, Алкуина и Мастера предложений. Он был усерден также в проведении Духовных упражнений и объяснении христианского учения, которым он воздавал великую славу Богу, поскольку очень многие были таким образом приведены к знанию и вкусу духовных вещей. Многие, однако, пали жертвами различных искушений, пример которых можно увидеть на примере человека, который не мог наказать себя, потому что, как ему казалось, его руку держал какой-то невидимый агент. Из-за таких дел, и особенно из-за огромной толпы людей, приходивших к нему, когда он объяснял христианское учение, среди людей начали распространяться различные слухи.

Когда он впервые приехал в Алкалу, между ним и неким Дидакусом Гуйей, который жил со своим братом, художником, завязалась дружба. Благодаря этой дружбе Игнатий был в изобилии обеспечен всем необходимым; поэтому он раздавал бедным милостыню, которую получал сам, и, кроме того, у него останавливались еще трое паломников.

Однажды Игнатий пошел к Дидаку просить милостыню, чтобы помочь нескольким бедным людям. Тот ответил, что у него нет денег. Открыв, однако, принадлежавший ему сундук, он достал оттуда разноцветные украшения, подсвечники и другие предметы, которые отдал Игнатию, который раздал их бедным.

Многие слухи, как было указано выше, получили широкое распространение в Алькале и достигли ушей даже инквизиторов, находившихся в Толедо, которые, как свидетельствовал их хозяин, называли Игнатия и его сообщников легатами или иллюминатами и угрожали им смертной казнью.

Инквизиторы, прибывшие в Алькалу для расследования их действий, передали все дело в руки викария Фигероа, который в то время вел переговоры с императором, и вернулись в Толедо, ни разу не вызвав их. Фигероа предоставил им право продолжать работу, которой они занимались, и инквизиторы после зрелого размышления не обнаружили ошибок ни в их доктринах, ни в их образе жизни.

Однако они не одобряли свой обычай одеваться одинаково, поскольку не были религиозны. Игнатиус ответил, что желание викария будет исполнено, но добавил: "Я не вижу результатов этих проверок, поскольку всего несколько дней назад некий священник отказал одному человеку в святом причастии на том основании, что он сообщил об этом всего восемь дней назад; и мне, действительно, он дал это очень неохотно. Мы хотели бы знать, были ли мы виновны в какой-либо ереси? "Никаких, - ответил Фигероа, - иначе вас бы повели на костер". "И они точно так же повели бы тебя на костер, - ответил Игнатий, - если бы тебя обвинили в ереси".

Платье было изменено по желанию Фигероа, который также пожелал, чтобы паломник не ходил босиком по крайней мере пятнадцать-двадцать дней. Эта команда также была выполнена.

Четыре месяца спустя Фигероа во второй раз привлек к ответственности инквизицию, как я думаю, под влиянием того факта, что некая замужняя женщина высокого положения, оказавшаяся необычайно преданной паломнику, на рассвете переоделась, чтобы навестить Игнатия в больнице, где он находился. Но даже в этом случае Игнатия не вызвали предстать перед инквизицией, и против него не было вынесено никакого приговора.

ГЛАВА VI

ТЮРЬМЫ В АЛЬКАЛЕ И САЛАМАНКЕ

По прошествии четырех месяцев Игнатий, который не оставался в больнице, был забран из своего жилища государственным служащим, который бросил его в тюрьму с приказом не покидать ее до получения иного приказа.

Это происходило в летние месяцы, и поскольку дисциплина в тюрьме была не очень строгой, многим людям была предоставлена возможность навестить его, которым он объяснял принципы христианской веры и упражнения, как это было у него обычно, когда он наслаждался полной свободой.

Многие высокопоставленные лица стремились помочь ему, но он не желал пользоваться их предложениями. Особенно один человек, леди Тереза де Кардена, часто посылала письма, предлагая освободить его из тюрьмы. Он ответил такими словами: "Тот, из-за любви к кому я заключен в тюрьму, освободит меня, когда Ему будет угодно".

Он провел семнадцать дней в тюрьме, но ничего не знал о причине, когда Фигероа пришел допрашивать его. Среди прочего, он спросил, повелевает ли он соблюдать субботу.

Среди тех, кто часто приходил навестить Игнатия, были два человека, мать и дочь, последняя из которых была молода и красива. Они, особенно дочь, добились больших успехов в духовной

жизни и, хотя были знатными дамами, решили совершить паломничество в одиночку и пешком и попросить милостыню к святилищу Вероники в городе Хаэн.

Это вызвало такую большую сенсацию во всем городе Алкала, что доктор Гируэллус, который был опекуном двух женщин, решив, что причиной их поступка был Игнатий, приказал заключить его в тюрьму.

Поскольку викарий пожелал получить полную информацию, Игнатиус сказал: "Эти женщины сообщили мне о своем желании переходить с места на место, чтобы помогать бедным, которых они находили в разных больницах. Я, однако, не одобрял их замысел из-за дочери, которая была довольно молода и красива, и в то же время давала им понять, что, если они чувствуют настоящую потребность помогать бедным, Алкала представляет достаточно широкое поле для их трудов, и они могли бы удовлетворить свою набожность, сопровождая Святое Причастие, когда его несут больным". Когда Игнатиус закончил свой рассказ, Фигероа и нотариус удалились, предварительно записав все, что произошло.

Калисто, товарищ Игнатия, который, оправившись от тяжелой болезни, услышал о заключении Игнатия в тюрьму, поспешил из Сеговии, где он находился, и прибыл в Алькалу, чтобы его тоже бросили в тюрьму.

Игнатий посоветовал ему обратиться к викарию, который принял его любезно и пообещал отправить в тюрьму. По его словам, его необходимо было задержать до возвращения женщин. Тогда можно было бы увидеть, согласуется ли их рассказ с тем, что утверждали он и Игнатий, или нет.

Поскольку заключение подрывало здоровье Калисто, Игнатий благодаря вмешательству профессора, который был его другом, добился его освобождения.

Когда Игнатий пробыл в тюрьме сорок два дня, женщины вернулись. Его еще раз посетил нотариус, который сообщил ему условие, на котором он должен был вернуть себе свободу. Оно заключалось в следующем: он и его товарищи должны были носить одежду того же стиля, что и другие студенты, и воздерживаться от проповеди истин веры до тех пор, пока они не закончат еще четыре года обучения. Игнатиус, действительно, добился большего прогресса в учебе, чем остальные, но все же он признавался, что у него не было твердой почвы под ногами. И это он всегда имел обыкновение говорить всякий раз, когда его допрашивали.

Когда Игнатий услышал приговор, вынесенный ему и его товарищам, он был в растерянности, что делать, поскольку видел очень мало шансов продвинуть спасение душ, поскольку ему препятствовали только по той причине, что он не прошел полный курс обучения.

В конце концов он решил доверить все дело здравому смыслу и суждению Фонсеки, архиепископа Толедского, которого, покинув Алькалу, он нашел в Вальядолиде.

Затем архиепископу он сообщил все с предельной точностью и сказал, что, хотя это не относится ни к его суду, ни к суждению, он решил действовать так, как должен посоветовать архиепископ.

Архиепископ принял его сердечно, одоблив его намерение отправиться в Саламанку и заверив, что он найдет там друзей. Снабдив его всем необходимым для путешествия, он отпустил его.

Когда в Алкале им был вынесен приговор, Игнатий пообещал повиновение, но в то же время заметил, что они слишком бедны, чтобы обеспечить себя новой одеждой. Услышав это, викарий сам снабдил их всем необходимым, и они отправились в Алькалу.

Четверо его товарищей уже обосновались в Саламанке. Добравшись до города, Игнатий пошел в церковь помолиться, и его узнала благочестивая дама, которая, спросив его имя, проводила его к товарищам. Примерно через десять или двенадцать дней после их прибытия в Саламанку монах-доминиканец, которому Игнатий исповедовался, настоял на том, чтобы он посетил монастырь, поскольку некоторые монахи хотели его видеть.

Игнатий принял приглашение "во имя Господа", и его духовник счел за благо, что он пришел отобедать в следующее воскресенье, в то же время добавив, что ему будет задано много вопросов. Поэтому в воскресенье, как и было условлено, пилигрим пришел в сопровождении Калисто.

Когда обед закончился, настоятель вместе с духовником и другими людьми проводил Игнатия в часовню и, выразив свое удовольствие по поводу хорошего отзыва о нем и его апостольском рвении, выразил желание услышать более полный и точный отчет о его учении.

Сначала его допросили в связи с его учебой. Игнациус ответил, что потратил на учебу больше времени, чем его товарищи, но признался, что его знания были не очень обширны, поскольку он никогда не закладывал прочного фундамента.

- Зачем же тогда вы проповедуете? - вмешался монах. "Мы не проповедуем, - ответил Игнатий. - мы привыкли фамильярно беседовать о божественных вещах с некоторыми, примерно так же, как после обеда мы беседуем с нашим хозяином".

"О каких божественных вещах?" продолжил монах: "Это как раз тот момент, о котором мы хотели бы получить информацию".

- О различных добродетелях и пороках, - ответил Игнатий, - пытаюсь привить любовь к добродетели и отвращение к пороку.

"Как же так получается, - сказал монах, - что вы, неученые, осмеливаетесь рассуждать о добродетели и пороке? Никто не имеет обыкновения заниматься такой работой, если он не приобрел знаний или не был научен Святым Духом. Вы признаетесь в незнании букв; из этого следует, что Он был вашим наставником. Поэтому мы хотим узнать, что Он соблаговолил сообщить вам".

Игнациус сначала ничего не ответил, так как чувствовал, что подобные рассуждения не имеют смысла. Однако вскоре, нарушив молчание, он заметил, что, по-видимому, нет причин говорить больше на эту тему. Поскольку монах все еще настаивал на нем, приводя в качестве причины тот факт, что многие снова выдвигают ошибочное учение Эразма и других, Игнатий ответил: "Я больше ничего не добавлю к тому, что уже было сказано, если только те, кто имеет право ожидать от меня отчета, не будут подвергнуты сомнению".

Прежде чем приступить к настоящему разбирательству, монах пожелал узнать, почему Калисто был так странно одет, ибо, несмотря на высокий рост, он ходил почти босиком, держа в руке посох, в слишком коротком плаще и шляпе огромных размеров. Весь костюм представлял собой довольно нелепую картину.

Игнациус ответил, что, хотя в Алькале им было приказано одеваться так же, как другим студентам, Калисто из милосердия отдал свою одежду бедному священнику.

Монах проявил недовольство этим, заметив: "Благотворительность начинается дома".

Но вернемся к нашему прежнему повествованию. Когда монах увидел, что Игнатий тверд в своем решении, "Ты останешься здесь, - сказал он, - и мы легко найдем способ заставить тебя рассказать все". Все монахи немедленно удалились, а младший настоятель выразил свое пожелание, чтобы Игнатий остался в часовне. Затем дело было передано на рассмотрение судей. И Игнатий, и Калисто оставались в монастыре три дня, принимая пищу вместе с общиной, прежде чем им стало известно о каком-либо решении судей. В течение этого времени монахи часто посещали свои кельи, и Игнатий никогда не упускал случая поговорить с ними в своей обычной манере. Это привело к тому, что монахи разделились в своем мнении о нем, и многие, действительно, проявили себя очень доброжелательно.

На третий день пришел нотариус, чтобы проводить их в тюрьму. Их не поместили вместе с обычными преступниками, но место их заключения, тем не менее, было очень отталкивающим. В центре камеры стоял столб, к которому была прикреплена цепь длиной всего в несколько футов, и она была так прикована к заключенным, что, когда один из них двигался, другой был вынужден следовать за ним. Ту ночь они провели без сна. Однако на следующий день распространился слух, что они в плену. Тогда люди поспешили снабдить их всем необходимым.

Игнатий, как легко можно предположить, не упускал возможности поговорить о духовных вещах с теми, кто приходил их увидеть.

Каждый из них был отдельно исследован монахом, которому Игнатий передал все свои труды. Среди них были его Духовные упражнения, чтобы можно было увидеть, содержат ли они какое-либо ложное учение. Когда его спросили о других его товарищах, он рассказал, кто они и где находятся. Они также были арестованы и заключены в отдельные покои, отличные от тех, в которые поместили Игнатия.

Хотя в этом случае ему была предложена помощь, он отказался принять ее.

Через несколько дней он был вызван в присутствие судей и профессоров, которые заставили его ответить на множество вопросов не только о его Духовных упражнениях, но даже о символах веры, таких как, например, Троица и Пресвятое Причастие, требуя от него объяснения этих тайн.

Его объяснение было настолько ясным и точным, что экзаменаторы не смогли найти ни малейшего изъяна в его доктрине. Он был столь же прав в ответе монаху, который предположил о трудностях в каноническом праве.

В каждом случае он говорил, что не знает решения профессоров.

Когда ему было приказано говорить о первой заповеди, он дал столь полное и исчерпывающее объяснение, что не оставил своим слушателям больше возможности задавать ему вопросы.

Хотя он еще не закончил свое обучение, он часто показывал разницу между смертным и простительным грехом мыслей. Когда он рассказывал о своих Упражнениях, его внимательно расспрашивали. Однако на их вопросы он ответил: "То, что я говорю, либо ложно, либо истинно; если это ложь, осудите это". Доктрина осталась без осуждения.

Фрэнсис де Мендоса, впоследствии кардинал Валенсии, был одним из тех, кто приходил в тюрьму навестить Игнатия. Однажды, находясь в сопровождении монаха, он спросил его, не невыносимы ли тюрьма и цепи. - Я приведу, - сказал Игнациус, - ответ, сделанный сегодня женщине, которая оплакивала мою судьбу. Ради любви к Иисусу Христу, я бы с радостью надел все наручники и цепи, которые только можно найти в Саламанке. И если ты считаешь это злом, ты показываешь, что пока еще не желаешь терпеть тюремное заключение из любви к Нашему Господу".

Примерно в это же время случилось так, что все заключенным тюрьмы удалось сбежать, остались только Игнатий и его спутники. Когда об этом стало известно, это вызвало реакцию в их пользу, и на время их поместили в большое здание, примыкающее к тюрьме.

На двадцать второй день заключения их вызвали для оглашения приговора.

Хотя им было объявлено, что они свободны от порицания как в своей жизни, так и в своих доктринах, и им было разрешено продолжать свою работу по преподаванию христианского учения и разговорам на духовные темы, все же им было запрещено проводить какое-либо различие между смертным и простительным грехом, пока они не проведут в учебе еще четыре года.

Хотя Игнатий не желал принимать приговор, потому что, хотя он ни в чем не был осужден, ему, тем не менее, не позволили помочь своему соседу, он заявил, что подчинится, пока остается в Саламанке.

Посоветовав это дело Богу, Игнатий начал обдумывать свой будущий план действий. Он считал пустой тратой времени оставаться в Саламанке, поскольку наложенные на него ограничения не позволяли ему помогать тем, ради спасения которых он хотел трудиться.

Соответственно, он решил отправиться в Париж, чтобы продолжить там учебу.

Во время учебы в Барселоне Игнатий сомневался, следует ли ему после завершения учебы вступить в какой-нибудь религиозный орден или переходить с места на место, согласно своему обычаю.

Он решил посвятить себя религиозной жизни. Его следующим шагом было найти какой-нибудь Орден, где первобытный пыл не ослабел, поскольку он чувствовал, что там он будет более уверен в удовлетворении своего желания страдать и помогать другим духовно, перенося, из любви к Богу, любые обиды, которым он может быть подвергнут.

Даже находясь в Саламанке, эти желания не покидали его. С этой целью он направлял все свои исследования, пытаясь в то же время убедить других придерживаться аналогичного курса и укрепить в своих добрых намерениях тех, кто уже принял его.

Когда он решил отправиться в Париж, он сообщил о своем намерении своим товарищам, сказав им оставаться на местах, пока он не найдет способ помочь им в учебе.

Многие высокопоставленные лица пытались отговорить его от отъезда, но все безрезультатно.

Взвалив несколько книг, которые у него были, на маленького осла, он распрощался со своими товарищами примерно через пятнадцать-двадцать дней после того, как они вышли из тюрьмы.

Те, кто встречался с ним в Барселоне, пытались удержать его от поездки во Францию, поскольку в то время война между двумя странами бушевала с особой жестокостью. Несмотря на многочисленные акты жестокости, совершенные французами по отношению к испанцам, многие из которых были посажены на кол, он упорствовал в своем намерении.

ГЛАВА VII

ЕГО УЧЕБА В ПАРИЖЕ И ДРУГИЕ ЭПИЗОДЫ ИЗ ЕГО ЖИЗНИ

Он отправился в Париж пешком и один и, по его собственным подсчетам, прибыл туда в начале февраля 1528 года. Во время пребывания в тюрьме родился принц Испании, и по этому событию мы можем определить дату того, что предшествовало и последовало. В Париже он жил с несколькими испанцами и посещал лекции, читаемые в колледже Монтегю. Поскольку он слишком быстро продвигался к высшим предметам, он вернулся к занятиям более низкого уровня, потому что чувствовал, что по большей части ему не хватает надлежащей основы. Поэтому он учился в классе с детьми. Когда он впервые приехал в Париж, он получил от торговца двадцать пять золотых крон по заказу, отправленному из Барселоны. Он передал их на хранение одному из испанцев, с которым жил. Этот последний очень скоро присвоил их для собственного использования и, когда его призвали, не смог их вернуть. В результате, когда Великий пост закончился, Игнатий оказался без средств к существованию, частично из-за упомянутой потери, а частично из-за других расходов. В результате он был вынужден добывать средства к существованию попрошайничеством и покинуть дом, в котором жил.

Позже его поместили в больницу Святого Иакова, недалеко от церкви Святых Невинных. Это место жительства оказалось немалым препятствием для его учебы. Больница находилась на большом расстоянии от колледжа, и хотя он не мог попасть в больницу ночью, если не возвращался до звука Ангела, утром ему не разрешалось уходить до рассвета. Вследствие этого он не мог ни присутствовать на лекциях, ни уделять им свое время спользой. Он обнаружил и другое препятствие - потерю времени, необходимого для сбора милостыни, на которую можно было купить еду.

Поскольку он не испытывал внутренних духовных страданий почти пять лет, он умерщвлял себя строгими постами и епитимьями. После того, как он провел таким образом некоторое время, живя в больнице и выпрашивая еду, он заметил, что его успехи в письме были небыстрыми. Затем он задумался, какому курсу следовать. Он заметил, что у многих, кто жил в качестве слуг преподавателей в колледжах, было достаточно времени для учебы. Он решил найти кого-

нибудь, кому он мог бы служить таким же образом. Он хорошо взвесил этот вопрос и не без утешения подумал об этом следующим образом: "Я представлю, что мой учитель - Христос, и назову одного из учеников Петром, другого Иоанном, а остальным дам имена остальных Апостолов. Тогда, когда мой учитель отдаст мне приказ, я буду думать, что Христос приказывает мне. Когда кто-то другой отдает приказы, я буду думать, что приказ исходит от святого Петра или какого-то другого Апостола ". Он был очень усерден в поисках учителя и говорил об этом холостяку и монаху-картезианцу, которые знали многих учителей, и другим людям, но ему так и не удалось найти ни одного.

Лишенный всех средств, испанский монах сказал ему, что с его стороны было бы мудрым шагом каждый год ездить во Фландрию, и там за два месяца он мог бы накопить достаточно денег на весь год. Он одобрил этот план, предварительно посоветовавшись с Богом. Приняв этот план, он ежегодно привозил из Фландрии все необходимое для своего содержания. Однажды даже он отправился в Англию и привез оттуда больше милостыни, чем собрал за предыдущие годы.

Когда он впервые вернулся из Фландрии, он начал серьезно посвящать себя духовной работе. Примерно в то же время он дал Упражнения трем людям — Перальте, Кастро, своему другу, жившему в Сорбонне, и кантабрийцу, жившему в Колледже Святой Варвары, по имени Аматор. В жизни этих людей произошли большие перемены. Они сразу же раздали бедным все, что у них было, даже свои книги, а сами стали жить на милостыню, которую просили, и поселились в больнице Святого Иакова, где ранее жил Игнатий и которую он покинул, как указано выше. Этот инцидент вызвал большой резонанс в Парижском университете, потому что двое первых были очень известными людьми. Другие испанцы сразу же попытались выступить против них, но, не сумев никакими аргументами убедить их вернуться в университет, огромная толпа вооруженных людей направилась к больнице и увела, или, скорее, утащила их прочь.

Придя в университет, они договорились со своими похитителями завершить курс обучения, а затем следовать своему решению. Позже Кастро отправился в Испанию и, проповедовав некоторое время в Бургосе, присоединился к ордену картезианцев в Валенсии. Перальта предпринял путешествие в Иерусалим пешком, как подобает паломнику. В этом наряде он был схвачен в Италии военачальником, его родственником, который нашел предлог для того, чтобы привести его к Верховному понтифику, от которого он получил приказ Перальте возвращаться в Испанию. Все эти события произошли не тогда, а спустя годы. В Париже появились преувеличенные слухи об Игнатии, особенно среди испанцев. Де Говеа обычно говорил, что Аматор, оставшийся в своем колледже, был доведен Игнатием до грани безумия. Поэтому он решил, что, как только Игнатий приедет в колледж Святой Варвары, он устроит ему публичную порку как соблазнителю учениц.

Теперь испанец, который потратил деньги Игнатия и не заплатил ему, отправился в путешествие в Испанию и заболел. Как только Игнатий узнал об этом, его охватило страстное желание навестить его и помочь, надеясь тем самым побудить его оставить мир и всецело отдать себя Богу. И действительно, чтобы достичь этого, он хотел совершить путешествие босиком, без еды и питья. Молясь об этой цели, он чувствовал, что его охватывает сильный страх, пока, войдя в церковь Святого Доминика, он не решил совершить путешествие таким образом. Страх, что это может быть искушение Бога, тогда оставил его; утром следующего дня, когда он проснулся, им овладел такой сильный страх, что ему казалось, он даже не может одеться. Охваченный этой внутренней борьбой, он покинул дом и уехал из города, и страх не покидал его, пока он не

оказался в девяти милях от Парижа. На этом расстоянии находится деревня, которую жители называют Аржантей, где, как говорят, хранится Священный Плащ Господа Нашего. Когда он покидал это место в большом душевном смятении, чувство великого утешения и силы наполнило его душу такой радостью, что он начал громко кричать и разговаривать с Богом, гуляя по полям. В ту ночь, преодолев сорок пять миль, он отправился отдохнуть к нищему в больницу. На следующий день, ближе к вечеру, он поселился в хижине, крытой соломой. На третий день он пришел пешком. Согласно своему решению, он не взял с собой ни еды, ни питья. По прибытии он утешил больного, помог ему подняться на борт судна, которое должно было отплыть в Испанию, и передал ему письма к своим товарищам, Калисто, Касересу и Артиаге, которые находились в Саламанке. Здесь мы можем ненадолго остановиться на судьбе этих товарищей. Пока Игнатиус был в Париже, он часто посылал им письма, в которых сообщал о том, что у них осталось мало надежды позвать их в Париж для учебы. Тем не менее в письме он убеждал донну Леонору де Маскаренас использовать свое влияние на короля Португалии для Калисто, чтобы тот мог получить одну из учрежденных королем стипендий. Определенная ежегодная помощь называется сумкой. Донна Леонора дала Калисто мула и деньги, чтобы доставить его ко двору короля Португалии. Он отправился в путь, но так и не добрался туда. Позже он вернулся в Испанию и отправился в Индию. Он вернулся богатым, к великому удивлению всех в Саламанке, кто знал его в прежние дни. Касерес, вернувшись в Сеговию, свой родной город, начал забывать о своей прежней цели и жизни. Артиага впервые стал мировым судьей. Позже, когда Общество было основано в Риме, ему было дано епископство. Он написал Игнатию: "Я хочу, чтобы это епископство было передано одному из Членов Общества". Но как только пришел ответ, что этого делать нельзя, он отправился в Индию, был поставлен епископом и умер там странной смертью. Во время болезни случилось так, что в воду для охлаждения поместили два флакона с жидкостью: в одном было лекарство, прописанное ему врачом, в другом - разбавленный яд под названием Соллиманус. Его слуга по ошибке дал ему отравленный напиток, который он выпил, и таким образом оборвал свою жизнь.

Вернувшись в Париж, Игнатий услышал множество слухов, связывающих его имя с Касересом и Перальтой, и узнал, что его вызвали к судье. Поскольку он не хотел оставаться в сомнениях, он по собственной воле отправился к инквизитору, монаху-доминиканцу. "Я слышал, что меня искали, и теперь я представляюсь". Во время разговора он попросил инквизитора как можно скорее покончить с этим делом. Он решил начать свой курс искусств в приближающийся праздник святого Ремигия и поэтому желал завершить все остальные дела, чтобы с большей пользой посвятить себя учебе. Инквизитор, со своей стороны, сказал ему, что это правда, что против него были выдвинуты определенные обвинения, но он позволил ему уйти и больше не вызывал его.

Ближе к первому октября, в праздник святого Ремигия, он начал свой курс обучения под руководством наставника мастера Джона Пегны с намерением развивать призвания тех, кто хотел служить Богу. Он намеревался добавить еще несколько, чтобы более свободно отдаваться учебе. Он слушал лекции по философии и испытывал те же искушения, которым подвергался во время изучения грамматики в Барселоне. Во время лекций его беспокоило так много духовных мыслей, что он не мог внимательно слушать. Соответственно, когда он увидел, что почти не продвинулся в учебе, он поговорил со своим наставником и пообещал посещать лекции до тех пор, пока у него будет достаточно хлеба и воды, чтобы поддерживать свою жизнь. После того как он дал это обещание, все эти несвоевременные богослужения перестали беспокоить его, и он спокойно продолжил свои занятия. В то время он был другом Питера Фабера и Фрэнсиса

Ксаверия, которых впоследствии привел к служению Богу, давая им Упражнения. В последние годы его не преследовали, как вначале. Однажды, рассказывая ему об этом, доктор Фрагус заметил, что он удивлен, что к нему никто не приставал. Игнатиус ответил: "Это связано с тем, что я не говорю на религиозные темы. Но когда курс будет завершен, мы будем действовать, как раньше".

Во время этого разговора к доктору Фрагусу подошел монах и попросил его помочь посетить дом, в котором было много трупов тех, кто, по его мнению, умер от чумы. В то время в Париже начала распространяться чума. Доктор Фрагус и Игнатиус пожелали посетить дом и заручились помощью женщины, которая была очень искусна в выявлении болезни. Войдя в дом, она ответила, что чума, несомненно, была там. Игнатий также вошел, утешил и привел в чувство больного человека, которого он нашел лежащим там. Когда он коснулся ран рукой, Игнатий ушел один. Рука начала причинять ему сильную боль, и казалось, что он подхватил болезнь. Страх, охвативший его, был так велик, что он не мог победить и прогнать его, пока с огромным усилием не засунул пальцы в рот и долгое время держал их там, говоря: "Если у тебя в руке чума, она будет и у тебя во рту". Как только это было сделано, иллюзия покинула его, и боль, которую он чувствовал в руке, прекратилась.

Ему не разрешили поступить в колледж Святой Варвары, где он тогда жил, потому что все сбежали от него, когда узнали, что он проник в дом, зараженный чумой. Ему пришлось несколько дней оставаться за пределами колледжа.

В Париже для тех, кто изучает философию, принято получать на третьем курсе так называемую *Petra*, чтобы получить степень бакалавра. Теперь те, кто очень беден, не могут соблюдать этот обычай, поскольку это стоит золотую крону. Пока Игнатий пребывал в большом колебании, он передал этот вопрос на рассмотрение своего наставника. Последний посоветовал ему принять это. Он так и сделал, но не без жалоб со стороны некоторых, особенно некоего испанца, который принял к сведению этот факт.

Находясь в Париже, он в течение нескольких дней страдал от сильных болей в желудке. На двадцать пятый день в течение часа его охватила очень сильная боль, вызвавшая лихорадку. Однажды боли продолжались шестнадцать или семнадцать часов. К тому времени он уже закончил свой курс, провел несколько лет в изучении теологии и собрал своих товарищей.

Поскольку болезнь усугублялась день ото дня, а многочисленные применяемые средства не приносили облегчения, врачи сказали, что ему остается только вернуться на родину, поскольку ничто, кроме родного воздуха, не могло его вылечить. Его спутники дали ему тот же совет. К этому времени все определились со своим будущим поведением, а именно, отправиться сначала в Венецию, а затем в Иерусалим, где они проведут всю свою жизнь, помогая душам. Если, однако, им не будет позволено остаться в Иерусалиме, они должны были вернуться в Рим и предложить себя Верховному Понтифику, Наместнику Христа, чтобы он мог использовать их помощь так, как, по его мнению, было бы во славу Божию и для спасения душ. Они также согласились подождать один год в Венеции, пока корабли не доставят в Святую Землю; но если в течение года поблизости не окажется ни одного корабля, они должны быть освобождены от обета и отправиться к Верховному понтифику. В конце концов Игнатий последовал совету своих товарищей, чтобы заняться своими делами в Испании. Между ними была достигнута договоренность, что после выздоровления он уладит их дела, и они отправятся в Венецию и там будут ждать его.

Он покинул Париж в 1535 году, но, согласно соглашению, его спутники должны были уехать два года спустя, в праздник обращения святого Павла. Однако из-за войн они были вынуждены опередить это время и выехать из Парижа в ноябре месяце 1536 года. Накануне своего отъезда, когда Игнатий услышал, что против него было выдвинуто обвинение перед инквизитором, хотя повестка в суд еще не была вручена, он пошел к этому чиновнику и изложил то, что услышал. В то же время он сказал ему, что у него есть несколько товарищей и что он сам собирается отправиться в Испанию, и попросил, чтобы ему вынесли приговор. Инквизитор признал, что обвинение было выдвинуто, но что он не считает его заслуживающим рассмотрения. Он сказал, что хотел бы просто посмотреть труды Игнатия, имея в виду Упражнения. Увидев их, он очень высоко оценил их и попросил Игнатия дать ему копию. Игнациус выполнил его просьбу, но настоял на том, чтобы суд над ним был доведен до конца и чтобы был вынесен приговор. Поскольку его просьба была отклонена, он привел нотариуса и свидетелей в дом инквизитора и получил их письменные показания о своей невинности в предъявленных обвинениях.

ГЛАВА VIII

ЕГО ПРИБЫТИЕ НА РОДИНУ И ПРАКТИКУЕМЫЕ ТАМ ДОБРОДЕТЕЛИ — ЕГО ПУТЕШЕСТВИЕ В ИСПАНИЮ И ИТАЛИЮ — ЗНАМЕНИТОЕ ЯВЛЕНИЕ И ЕГО ЖИЗНЬ В ТОМ ЖЕ МЕСТЕ

После события, описанного в предыдущей главе, Игнатий сел на маленькую лошадку, которую купили для него его товарищи, и отправился в путь к своей родной земле. Уже в пути он обнаружил, что его здоровье улучшается. Как только он прибыл в провинцию Гипускоа, свою родную страну, отказавшись от обычного шоссе, он поехал по дороге через горы, потому что она была менее оживленной. Он прошел небольшое расстояние по этой тропинке, когда увидел приближающихся двух вооруженных людей. Это место было известно как пристанище убийц. Мужчины немного прошли мимо него, а затем, повернувшись, поспешили за ним. Он был немало напуган, но все же, обратившись к ним, узнал, что это были слуги его брата, посланные ему навстречу. Ибо у него были основания полагать, что предупреждение о его приезде было отправлено его брату из Байонны во Франции, где его узнали несколько человек. Тем не менее Игнатий продолжал идти в том же направлении, что и прежде, и незадолго до прибытия в город встретил нескольких священников, идущих ему навстречу. Они хотели доставить его в дом его брата, но их усилия были тщетны. Он обратился в государственную больницу, а потом, в подходящее время, просил милостыню по всему городу.

Многие приходили навестить его в больнице. Он говорил с ними и по милости Божьей принес немалые плоды. По прибытии он решил каждый день преподавать христианскую доктрину детям. Его брат возразил против этого и заверил его, что никто не придет. В ответ Игнатий сказал: "Мне достаточно одного". Однако, как только он начал преподавать, многие стали приходить регулярно, в том числе и его брат. В дополнение к этому, по воскресеньям и праздничным дням он также с большим успехом проповедовал людям, и тысячи людей проезжали много миль, чтобы послушать его. Он также трудился над устранением многих злоупотреблений, и по Божьей милости во многих случаях были достигнуты хорошие результаты. Приведу пример: своим представлением губернатору он добился приказа, запрещающего азартные игры и другие беспорядки под страхом больших штрафов. Он принял

меры к тому, чтобы бедные получали помощь публично и регулярно, и чтобы трижды в день, утром, в полдень и вечером, согласно римскому обычаю, звоном в колокол подавался сигнал к произнесению народом Ангела.

Хотя поначалу у него было хорошее здоровье, позже он серьезно заболел. По этой причине, после выздоровления, он решил уехать, чтобы завершить дело, которое он предпринял для своих товарищей. Он решил отправиться пешком и без денег. Его брат был опечален этим и считал это позором для себя. Игнатий решил уступить на этом этапе и, наконец, ближе к вечеру согласился, чтобы его перевезли на границу провинции в сопровождении его брата и родственников.

Но как только он покинул провинцию, он спешил и, не получив никаких средств к существованию в дорогу, отправился в Пампелуну, а оттуда в Алмазонус, место рождения отца Лайнеза. Затем он отправился в Сигуэнсу и Толедо, а затем из Толедо в Валенсию. Во всех этих городах, местах рождения его товарищей, он ничего не получал от их родителей и родственников, хотя они предлагали ему очень многое и умоляли его принять это. В Валенсии у него состоялся разговор с Кастро. Когда он был готов сесть в Валенсии, чтобы отплыть в Геную, несколько его доброжелателей отговорили его, потому что, как они утверждали, берберийские пираты были в море на многих больших кораблях. Однако, хотя они много говорили, чтобы внушить страх, он все же не колебался. Поднявшись на борт судна, во время плавания разразился сильный шторм. Об этом упоминалось ранее, когда Игнатий описывает три случая, когда ему угрожала смертельная опасность. В этом путешествии он много страдал, о чем я сейчас расскажу. Однажды после приземления он сбился со своего пути и пошел по дороге, которая шла вдоль берега реки. Дорога была высокой, в то время как далеко внизу река была глубокой и неспешной. Чем дальше он продвигался, тем уже становилась дорога. Наконец он добрался до места, где не мог идти ни вперед, ни назад. Затем он начал продвигаться на руках и ногах и продолжал так долгое время, полный страха. Ибо всякий раз, когда он двигался, ему казалось, что он упадет в реку. Это был величайший из всех телесных подвигов, которые он когда-либо испытывал. Наконец ему удалось спастись, но как раз на въезде в Болонью он упал с небольшого мостика и был таким мокрым и грязным от грязи и воды, что вызвал смех у огромной толпы, наблюдавшей за происшествием. С момента своего въезда в Болонью и до отъезда он просил милостыню, и хотя прошел через весь город, не получил ни фартинга. Поскольку он был болен, он некоторое время отдыхал в Болонье. Оттуда он направил свои стопы в Венецию, путешествуя всегда одним и тем же путем. В Венеции он проводил свое время, выполняя Упражнения и другие духовные работы. Теми, кому он давал Упражнения, были Питер Контаренус, Гаспар Доктис, испанец Розес и еще один испанец по имени Хозес, который, как и пилигрим, был большим другом епископа. Хозес сначала не хотел выполнять Упражнения, хотя чувствовал, что его тянет к этому. Наконец он решил взяться за работу и на третий или четвертый день открыл Игнатиусу свои мысли. Он сказал, что опасался, что из-за этих Упражнений его ум может проникнуться ложными доктринами. Действительно, один человек убедил его быть настороже, и по этой причине он захватил с собой книгу, чтобы воспользоваться ею на случай, если его обманут. Он добился больших успехов в Упражнениях и, наконец, принял тот образ жизни, который установил Игнатий. Он был первым из товарищей Святого, кто умер.

В Венеции против Игнатия было возбуждено другое преследование. Некоторые утверждали, что его чучело сжигали как в Испании, так и в Париже. Дело зашло так далеко, что он предстал перед судом, но добился благоприятного приговора. В начале 1538 года девять компаньонов прибыли в Венецию и были разбросаны по городу в различных больницах, чтобы оказывать помощь больным. Через два или три месяца все отправились в Рим, чтобы получить благословение папы перед отправкой в Иерусалим. Игнатий, однако, не поехал в Рим из-за доктора Ортиса и театрального кардинала, недавно возведенного в этот сан. Вернувшись, спутники привезли с собой двести или триста золотых крон, которые были даны им в качестве милостыни для их предполагаемого путешествия в Иерусалим. Они принимали их только в виде банкнот, и когда у них не было возможности совершить путешествие в Иерусалим, они возвращали их тем, кто сделал подарок. Они вернулись в Венецию тем же путем, каким отправились в Рим. Они шли пешком и просили милостыню, разделившись на три группы, поскольку были разных национальностей. Те, кто не был священником, были рукоположены в Венеции, получив полномочия от нунция, который тогда находился в этом городе и которого впоследствии стали называть кардиналом Вераллусом. Они были возведены в сан священника *sub titulo paupertatis*, дав обеты бедности и целомудрия. В тот год ни один корабль не отправился на Восток из-за нарушения договора между венецианцами и турками. Поэтому, когда они увидели, что их надежды не оправдались, они рассеялись по разным частям венецианской территории, понимая, что им следует подождать один год, как они ранее решили; по истечении этого времени они должны были вернуться в Рим, если не удастся совершить путешествие. Виченца досталась на долю Игнатия. Его спутниками были Фабер и Лайнез. За городом они нашли дом, в котором не было ни дверей, ни окон. Здесь они жили, спали на небольшой соломе, которую привезли с собой. Двое из троих дважды в день, утром и вечером, заходили в город просить милостыню. Они вернулись с таким скудным запасом, что его едва хватало на пропитание. Их обычной пищей был хлеб, когда они могли его достать. Выпечкой занимался тот, кто случайно оставался дома. Таким образом, они провели сорок дней, не думая ни о чем, кроме молитвы.

По прошествии сорока дней прибыл мастер Джон Кодурус, и все четверо решили начать проповедь. В один и тот же день и в один и тот же час на разных площадях все начали проповедовать, сначала испустив громкий крик и размахивая шляпами руками, чтобы призвать народ. Эти проповеди вызвали много разговоров в городе и привели многих горожан к благочестивой жизни. Теперь необходимая пища доставлялась им более обильно. Пока паломник находился в Виченце, у него было много духовных видений. Ему было ниспослано множество утешений. Особенно это было заметно в Венеции, когда он готовился к священническому сану и к служению мессы. Во всех своих путешествиях он получал великие сверхъестественные посещения, подобные тем, которые он обычно получал в Манресе.

Еще находясь в Венеции, он узнал, что один из его товарищей смертельно заболел в Бассануме. У него самого была лихорадка, но он все же предпринял путешествие и шел так быстро, что Фабер, его спутник, не поспевал за ним. По дороге он получил заверение от Бога, что его спутник не умрет от этой болезни. Как только они прибыли в Бассанум, больной очень утешился, и вскоре ему стало лучше. После этого все вернулись в Виченцу, и там десять человек пробыли некоторое время, некоторые ходили по соседним городам просить милостыню.

По прошествии года, поскольку не было никаких средств добраться до Иерусалима, они отправились в Рим, разделившись на три или четыре группы. Во время путешествия Игнатий

пережил необычные посещения от Бога. После принятия священства он решил отложить служение своей первой мессы на один год, чтобы лучше подготовиться, и попросить Пресвятую Деву поместить его рядом со своим Сыном. Однажды, когда он был в нескольких милях от Рима, он зашел в церковь помолиться и там почувствовал, что его душа так тронута и изменилась, и так ясно увидел, что Бог Отец поместил его со Христом, Своим Сыном, что он не смел сомневаться в этом. Когда Игнатиусу сказали, что Лейнез рассказал еще несколько деталей, он ответил: "Все, что Лейнез сказал по этому поводу, правда. Что касается меня, я не помню подробностей; но, - добавил он, - я точно знаю, что, рассказывая о случившемся, я не сказал ничего, кроме правды". Это были его слова о видении. Он направил меня к Лейнезу, чтобы подтвердить то, что он рассказал.

Однажды Игнатий уехал из Рима в Монте-Кассино, чтобы передать Упражнения доктору Ортису, и провел там сорок дней. Однажды, в определенный час, в видении он увидел Хозеса, входящего в рай. В этом видении он пролил много слез утешения. Он видел это так ясно, что, если бы он сказал обратное, ему показалось бы, что он говорит неправду. Он привез с собой из Монте-Кассино Фрэнсиса Страду. После своего возвращения в Рим он трудился ради помощи душам и давал Упражнения двум разным людям, один из которых жил недалеко от Сикстинского моста, другой - недалеко от церкви Святой Марии Мажор. Вскоре народ начал преследовать Игнатия и его спутников. Михаил был первым, кто доставлял беспокойство и злословил об Игнатии, и вызвал его к правителю для суда. Игнатий показал губернатору письмо, написанное тем же Михаилом, в котором тот очень высоко отзывался об Игнатии. Губернатор допросил Михаила, и в результате тот был изгнан из Рима. За ним последовали Миндарра и Беррера, которые сказали, что Игнатий и его спутники были беглецами из Испании, Парижа и Венеции. В конце концов, однако, в присутствии губернатора и посла, находившихся тогда в Риме, оба признали, что им нечего сказать против них в отношении их доктрин или их жизни. Посол распорядился прекратить этот судебный процесс. Игнатиус возразил, заявив, что хотел бы, чтобы приговор был вынесен четко и публично. Это не понравилось ни послу, ни губернатору, ни даже тем, кто ранее принимал сторону Игнатия. Через несколько месяцев римский понтифик вернулся. Пока он находился в Тускулуме, Игнатий был допущен к аудиенции у Святого Отца, и, изложив некоторые свои доводы, он получил то, что желал. Папа распорядился вынести приговор, и он был вынесен в пользу Игнатия и его сподвижников.

Благодаря трудам Игнатия и его сподвижников в Риме были учреждены определенные благочестивые учреждения, такие как Оглашенные, церковь святой Марфы и церковь сирот. Мастер Наталис может рассказать остальное.

ПРИЛОЖЕНИЕ

СВЯТОЙ ИГНАТИЙ И ЕГО ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ОБЛАСТИ ОБРАЗОВАНИЯ

В королевстве Наварра, на севере Испании, среди тех гор, откуда оружейники Толедо черпали металл и ковали для всего мира свою острую сталь, в краю, где щедрые, страстные, доблестные люди, казалось, формировали свой характер на суровом величии самой природы, родился святой Игнатий.

Мир представляет его немногословным человеком, внешне суровым и мрачным, и все же человеком, в котором всегда выделялся интеллект, но интеллект, возвышенный величием рыцарской души и изысканной деликатностью милосердия, — таков был настоящий характер святого. Игнатий. Это можно увидеть в кратком обзоре его жизни и его духа милосердия, его всепоглощающей любви к душам, в его работе по созданию миссий, его величии ума и сердца, в работе, которую он начал и продолжают его последователи в деле высшего образования.

Его персонаж занимает видное место на горизонте истории. Его нельзя игнорировать, как нельзя игнорировать и его существование или его работу.

Его враги не прошли мимо него незамеченными, и его друзья, друзья Божьи, возрадовались тому, что, поскольку Бог послал его учить и приносить плод, чтобы плод остался, плод остался.

ST. Игнатий передает свой голос через столетия как великая личность. Он говорил как человек Божий, как человек идей, человек энергии. Он дал почувствовать свое влияние по всей вселенной, не только в цивилизованном мире, но и в нецивилизованной его части, чтобы привести ее к цивилизации или принести ей преимущества цивилизации.

Другие великие люди говорили и оказывали свое влияние. Они были посланием цивилизованному миру; оно было ограничено одной точкой зрения. Это была доблесть на поле боя или на море, работа на государственном корабле или в области науки. Но Игнатий не ограничивался ни одним из них. Он - основатель Религиозного ордена, который посылал первопроходцев на все эти поля и леса доблести или исследований; он - автор Духовных упражнений, снискавших известность лишь немногим авторам; он - отец многих святых; он - воспитатель поколений; он - вдохновитель научных, литературных, теологических, философских исследований и покровитель первооткрывателей и миссионеров-первопроходцев в Старом и Новом Свете.

Игнатий родился в 1491 году в замке Лойола, и в пятнадцатилетнем возрасте он был пажом при дворе короля Фердинанда, а затем солдатом при герцоге Наваррском, его родственнике. Армия Франциска I вторглась в Наварру, и при осаде Пампелуны капитан пехоты Игнатий был ранен пушечным ядром. О его жизни рассказывается на предыдущих страницах.

Я лишь вкратце упомяну об этом и о его обращении. Он был молодым рыцарем, любившим веселье и ратные подвиги, и некоторое время после того, как получил рану, был прикован к постели, пока ему вправляли сломанную ногу; и в ожидании своего медленного выздоровления

он читал жития святых и Христа, поскольку именно эти книги ему дали вместо романов, которые он просил, поскольку других в доме не было.

При чтении житий святых его сердце было тронуто. Его глаза открылись на суетность жизни и реальность вечности по сравнению с мирской жизнью, которую он вел. Вдохновленный жизнеописаниями святых, он сказал: "То, что они сделали, я могу сделать". Событие его жизни доказало серьезность его цели.

Он решил посвятить себя жизни покаяния и самоотречения и, будучи занят этими святыми решениями, записал в книгу основные события жизни Христа и Его славной Матери. Именно в это время Наш Господь послал ему видение, чтобы укрепить и утешить его. Однажды ночью, когда он совершал свое бдение, он узрел славную Царицу ангелов, которая явилась ему, держа на руках своего Благословенного Сына, просвещая его великолепием славы и очаровывая своим сладостным присутствием.

Ей он приписывает вдохновение в Духовных Упражнениях, и его Орден, подражая своему основателю, проявлял самую безграничную привязанность и преданную сыновнюю любовь к Девственной Матери Христа.

В Алкала-Сент- Игнатий учился и там выиграл для Общества Иисуса, Лейнеза, Сальмерона и Бабадилю. Позже он основал там колледж, где Васкес, Суарес и святой Франциск Борджиа разъясняли Священное Писание. Святой Игнатий послал отца де Торреса в Саламанку основать знаменитый колледж, где профессорами были выдающиеся профессора кардинал де Луго, Фрэнсис Суарес, Мальдонатус, Григорий Валенсийский, Фрэнсис Рибера и многие другие выдающиеся люди.

В Парижском университете в 1534 году, 14 марта, святой Игнатий получил степень магистра искусств и доктора философии, двумя годами ранее получив степень бакалавра искусств. Парижский университет имел честь иметь в качестве учеников святого Игнатия, святого Франциска Ксавье, Питера Фабера, Клода де Жея, Саймона Родригеса, Джона Кодуру, Пасхазиуса, Бруэ, Мартина Олава, удостоенных академической степени.

Среди более ранних колледжей, основанных святым Игнатием, были следующие:—

В 1542 году возник колледж Коимбры в Португалии. В 1546 году святой Франциск Борджиа основал колледж Гандии. В 1556 году был основан колледж Ингольштадта. В 1552 году был основан колледж в Вене, а в 1556 году - в Праге. В 1553 году был полностью основан Римский колледж. А в 1568 году - колледжи в Лиме, Перу.

Немецкий колледж, основанный в Риме святым Игнатием, произвел на свет много замечательных людей.

Из него вышли 1 папа римский Григорий XV, 24 кардинала, 6 выборщиков Империи, 19 принцев, 21 архиепископ, 121 титульный епископ, 100 епископов в *неверных*, 6 аббатов или генералов религиозных орденов, 11 мучеников веры, 13 мучеников милосердия и 55 других, отличавшихся благочестием и ученостью.

Это было в конце восемнадцатого века. В наше время в одном классе отец Карделла насчитал семнадцать представителей различных орденов самых разных национальностей, присутствовавших на лекциях по теологии в Римском колледже.

Римский колледж был прообразом колледжа иезуитов. Он был начат Фрэнсисом Борджиа в 1551 году у подножия Капитолия в Риме с четырнадцатью членами Ордена и отцом Джоном Пелтье, французом, в качестве настоятеля.

Профессора преподавали риторику и три языка — иврит, греческий и латынь. В то время там обучалось 2107 студентов, 300 - теологии. Кафедры занимали самые выдающиеся профессора: богословы, такие как Суареси Вакес; комментаторы, такие как Корнелиус Лапиде и Мальдонатус; основатели национальных исторических школ, такие как Мариана и Паллавичини; Клавиус, реформатор григорианского календаря; Кирхер, универсальный специалист в точных науках, в то время как другие колледжи по всему миру оставались обеспеченными необходимыми силами и поддерживали свой престиж.

Из этого колледжа вышли выдающиеся люди во всех сферах интеллектуальной жизни и вообще выдающиеся личности, люди возвышенных мыслей, благородных и великодушных умов. В частности, появились три персонажа — молодые люди, которым предстояло наполнить восхищением своим величием грядущее столетие.

Станислаус Костка, польский дворянин, умерший в семнадцать лет; Алоизиус Гонзага, итальянский принц двадцати трех лет; и Джон Берчманс, фламандский горожанин двадцати двух лет.

Среди некоторых известных людей, получивших образование у иезуитов, мы находим Боссюэ, Корнеля, Мольера, Тассо, Фонтенеля, Дидро, Вольтера и Бурдалу, который сам был иезуитом.

Когда отец Поре ответил на замечание, что он не принадлежит к числу великих поэтов, он сказал: "По крайней мере, вы можете согласиться с тем, что я смог создать некоторые из них". Среди других были Декарт, Бюффон, Юстус Липсиус, историк Муратори, Кальдерон и Вико, автор "Идей истории", Ришелье, Тилли, Мальзерб, дон Иоанн Австрийский, Люксембург, Эстерхази, Шуазель, святой Франциск Сальский, Ламбертини, впоследствии Бенедикт XIV. , самый ученый из пап и нынешний понтифик, папа Лев XIII, известный своей ученостью и мудростью.

Почти все писатели-иезуиты были профессорами-иезуитами, почти без исключения, и почти все преподавали гуманитарные науки, художественную литературу и риторику. Отец Саутвелл в 1676 году насчитал 2240 авторов, а отец де Бакер в 1876 году - 11 100.

АВТОРЫ

Среди иезуитских писателей мы находим замечательных авторов. На первом месте стоят голландисты, известные во всем мире своим монументальным трудом "Акт святости". Аналогичные гигантские работы были проведены отцами де Бакером, Зоммервогелем и Пахтлером. В различных областях знания нам необходимо упомянуть нескольких выдающихся писателей.

В астрономии мы находим Риччи, Перри, Де Вико, Секки, Керли, Сестини.

По математике, Хаген, Альге.

В "Морской тактике", "Книге иезуита".

В археологии Гаруччи, Марчи, мастера Де Росси.

На восточных языках - Штрассмайер, Арваш, Маас, Ван ден Гейн.

В богословии - Суарес, Васкес, Толетус, Мальдонатус, Францелен.

В философии, Коминтерне, Либераторе.

В философии морали: Бузенбаум, Гуриэл, Толедо, Баллерини, Лайман, Лемкюль, Генико.

В аскетизме Альварес де Пас, Годье, Родригес, Скарамелли, Гроу.

Духовные упражнения составляют целую библиотеку. Отец Ватраган написал работу просто для того, чтобы записать издания и комментарии к этим Упражнениям.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПЛАН СВЯТОГО. ИГНАТИЙ

ST. Игнациус собрал вокруг себя группу отборных людей. Римский колледж, тип колледжей иезуитского образования, будет иметь своими профессорами только тех, кто был докторами Парижского университета.

План курса обучения был дан святым Игнатием. Он был завершен и развит компанией Aquaviva. Эта работа была еще более усовершенствована отцом Лайнезом, о котором говорится:

"Святой Игнатий восхвалял его не только за другие великие заслуги, но особенно за разработку и устройство системы колледжей".

Что касается количества студентов, обучающихся по единой методике тщательного обучения, будет интересно ознакомиться с ними.

В Риме в 1584 году в двадцати колледжах, посещавших занятия в Римском колледже, обучалось 2108 студентов, в Польше насчитывалось 10 000 молодых людей, в основном из знати, в Риме 2000, в Ла Флеше 1700. В семнадцатом веке в колледже Луи ле Гран в Париже их число варьировалось от 2000 до 3000. В 1627 году Парижская провинция насчитывала в четырнадцати колледжах 13 195 студентов.

Папскими семинариями при Григории XIII в Вене, Дилленгене, Фульде, Праге, Гретце, Ольмютце, Вильне, а также в Японии руководили Отцы, как и семинариями Пия V и святого Карла Борromeо в Милане.

В среднем в этих учебных заведениях обучалось более двухсот тысяч студентов.

На этой основе можно было бы провести сравнение работы, проделанной Орденом, и той, что выполняется Оксфордом.

Если Оксфорд ежегодно тратит доход в размере 2 500 000 долларов на обеспечение средствами высшего образования двух тысяч представителей знати и джентри, сколько потребуется для обучения четверти миллиона студентов — не двух тысяч, а двухсот пятидесяти тысяч?

Основополагающими принципами образовательного института Святого Игнатия были следующие:—

Во-первых, основательность.

Первое условие всех высших исследований, равно как и низших, было таково, что, как сказал святой Игнатий, "Бесполезно было начинать с вершины, поскольку здание без хорошего фундамента никогда бы не устояло".

Пусть литература и философия будут пройдены удовлетворительно, и тогда можно будет обратиться к теологии.

Литература должна быть на первом месте. Святой Игнатий обеспечивает право и медицину, но профессорами права и медицины за пределами Ордена; но ни один профессор Ордена не был направлен на работу за пределами иезуитских учреждений. Если бы молодые люди были отправлены за границу, молодое поколение было бы лишено этого типа; и если бы выдающиеся люди были отправлены без постоянного иезуитского колледжа, работа была бы работой не Ордена, а отдельных личностей, и они вскоре погибли бы.

Во имя просвещения святой Игнатий включил в свой устав лозунги "Защита и продвижение". Как лидер военного типа, он собрал вокруг себя цвет юности и зрелого возраста, окончив колледж и университет, заняв докторскую кафедру и заняв княжеский трон, и за пятнадцать лет с момента основания Ордена покинул сто колледжей и домов в Португалии, Испании, Италии, Сицилии, Германии, Франции, Бразилии и Ост-Индии. Ксавье путешествовал из Индии и Цейлона на западе до Малуккских островов в Японии и побережья Китая на востоке. Везде, куда проникали энергия и активность апостольского рвения, это было с целью и обычно результатом

постоянной апостольской работы по основанию образовательных учреждений. Отец де Бакер говорит: "

"Куда бы ни ступала нога иезуита, где бы ни основывался дом, колледж, миссия, туда же приходили апостолы другого класса, которые трудились, которые учили, которые писали".

Это верно даже для наших дней, когда в Скалистых горах, рядом с миссионерским домом Спокан-Фоллс, возвышается иезуитский колледж Спокана.

На шестьдесят лет позже времени св. При Игнатии насчитывалось 272 колледжа, а через 150 лет коллегияльных и университетских учебных заведений насчитывалось 769.

"Рассматривая эти семьсот учреждений среднего и высшего образования, - говорит отец Томас Хьюз в своей работе о Лойоле, - по объему законодательной исполнительной власти мы обнаруживаем, что они представляли собой не столько множество учреждений, сколько одно.

"Если мы посмотрим на 92 колледжа во Франции, то, хотя Парижский университет находился в одном квартале города, и в этом смысле материально один, — хотя и включающий 50 колледжей, - все же в формальной и существенной связи эти 92 иезуитских колледжа были гораздо большим объединением как идентичная образовательная сила, чем любой существующий факультет. Ни один факультет в Париже, Риме, Саламанке или Оксфорде никогда не сохранял контроль над своими 50, 20 или 8 колледжами, который каждая провинция осуществляла над своими 10, 20 или 30 колледжами, или генерал Ордена над 700 колледжами, насчитывающими 22 126 членов Ордена ".

В наши дни мы находим иезуитские колледжи почти в каждой части известного мира. В Риме и Китае, в Южной Африке и Северной Америке, на Филиппинских островах, а также на Цейлоне и в Египте, в Австралии и на Кубе, а также в Сирии и городе Нью-Йорк.

Мы можем кратко взглянуть на колледжи, разбросанные по всему миру, в которых сегодня обучаются 52 692 ученика-иезуита.

Это больше, чем те, кому преподают в Оксфорде, Кембридже, Глазго, Гарварде, Йеле, Принстоне или в Париже и Эдинбурге.

В иезуитском колледже в Риме обучается 2082 студента.

В Бразилии,	757
Неаполь,	960
Денвер,	100
Сицилия,	376
Турин,	516
Калифорния,	850
Скалистые горы,	72
Венеция,	520
Мангалор (Индия),	483
Австрия,	1746

Египет,	500
Тулуза,	1581
Мадуро,	1800
Арагон,	1414
Манила,	
Филиппинские острова,	
Муниципальный атенеум,	1123
Нормальная школа,	680
Чили и Парагвай,	4913
Кастилия,	2073
Куба, Гавана и Сьенфуэгос,	397
Колумбия,	766
Португалия,	560
Бельгия,	6658
Бенгалия,	983
Цейлон,	35
Галисия,	474
Германия,	3443
Голландия,	613
Франция,	3384
Китай,	122
Лион,	2191
Сирия,	608
Мексика,	684
Толедо,	782
Эквадора и Перу,	820
Англия,	1454
Замбези,	64
Ирландия,	883
Австралия,	447
Нью-Йорк и Мэриленд,	2815
Ямайка, Вест-Индия,	60
Миссури,	2061
год до Н.э. Гондурас,	2122
Канада,	511
Новый Орлеан,	504

Таким образом, общее количество студентов, обучающихся у профессоров Общества Иисуса по единой университетской системе во всех частях известного мира, составляет 52 692 человека.

Пути назад уже не было. Пятьдесят лет назад, когда приходилось заново закладывать основу для восстановления 700 учреждений, разрушенных в результате репрессий, их было всего 15 000, а сегодня их 52 692.

СТ. Игнатиус родился в 1491 году. Первый колледж Коимбры был основан в 1542 году. С 1542 по 1773 год - это период в 231 год. Подавление продолжалось с 1773 по 1814 год (41 год). Новая работа продолжалась с 1814 по 1899 год, то есть 85 лет.

Среди колледжей, основанных в главных городах мира, - колледж Лойола в Лойоле в Испании; колледж Святого Омера в Бельгии, связующее звено между Европой и Америкой; колледж Стонихерст в Англии; Клонгоус Вуд, Ирландия; Мангалор в Индии, единственный колледж первого класса в округе; Мельбурн, Австралия; Колледж Святого Игнатия в Калифорнии, пионер миссий на тихоокеанском побережье и в Скалистых горах; в Канзас-Сити, единственный колледж-интернат на дальнем Западе; колледж Святого Игнатия в Кливленде, Огайо, один из последних колледжей первого класса в округе. Западные колледжи; Колледж Спринг-Хилл в Мобиле, Алабама; Джорджтаунский колледж в Вашингтоне, округ Колумбия; Колледж Святого Креста в Вустере, Массачусетс; Колледж Святого Иоанна в Фордхэме, Нью-Йорк; Колледж Святого Франциска Ксаверия в Нью-Йорке.

В пропорции, указанной выше, за тот же период (то есть за период в 231 год) в иезуитских колледжах будет 263 690 учеников.

СТ. Игнатий умер 31 июля 1556 года. Ему было шестьдесят пять лет. В возрасте тридцати лет он повесил свой меч на Монсеррат и, имея наготове ум, сердце и перо, за тридцать пять лет выполнил гигантскую работу по основанию и развитию Ордена. Образовательная работа была спланирована и продвинулась вперед за короткий пятнадцатилетний период, с 1542 по 1556 год.

Он был человеком благоразумным, обдуманым и непоколебимого решения.

Бдительный и терпеливый, всякий раз, когда он появлялся, с этим человеком приходилось считаться; так же и с его Орденом, всякий раз, когда он появлялся, его должны были признавать либо враги, выступающие против него, либо друзья, любящие его и продвигающие его работу. Здесь есть свои церкви, свои миссии, свои колледжи. В своих церквях он верен учению Христа и Его Церкви, всегда верен Наместнику Христа; в своих миссиях безграничен в рвении и личном самопожертвовании; в своих колледжах он всегда нацелен на основательную подготовку для получения полного христианского образования. Игнатий Лойола отдал свой Приказ продолжать работу без него, и все продолжается именно так, как он это сделал.